

РОССИЯ
ДЕРЖАВНАЯ

НИКОЛАЙ
ДМИТРИЕВ

В
ГРОЗНЫЙ
ЧАС

Николай Николаевич Дмитриев

В грозный час

Серия «Россия державная»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39149991

Н. Н. Дмитриев. В грозный час: ООО «Издательство «Вече»; Москва;

2018

ISBN 978-5-4484-7529-0

Аннотация

Воспользовавшись тем, что царь Иван Грозный ведёт Ливонскую войну, крымский хан Девлет-Гирей отправляется в набег на русские земли, и Москва выгорает чуть ли не дотла. Успех окрыляет, и турецкий султан Селим даёт своему вассалу пушки, янычар, ополченцев... Девлет-Гирей снова идёт на Москву. Теперь он сам хочет сесть «на царство»... Войско князя Воротынского, охранявшее засечную черту, пытается остановить незваных «гостей». Происходит кровопролитная битва при Молодях, которую историки называют вторым Бородином, подчёркивая этим значение сражения для становления государства Российского.

Новый роман признанного мастера исторической и остросюжетной прозы.

Содержание

Часть первая. Предгрозые	5
Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	22
Глава 4	30
Глава 5	40
Часть вторая. На Москву	48
Глава 1	48
Глава 2	57
Глава 3	65
Глава 4	74
Глава 5	84
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Николай Дмитриев

В грозный час

© Дмитриев Н. Н., 2018

© ООО «Издательство «Вече», 2018

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2018

* * *

*И в тот день немалу сражения бышу ото обои
подоша мнози и вода кровию смесися и к вечеру
разыдошася полки во обоз а татаровья в станы
свои.*

Из летописи

Часть первая. Предгрозые

Глава 1

Сигизмунд, король Польши, раздражённо мерил шагами зал рыцарского замка. Время от времени он резко задирает голову, но толком рассмотреть высокий сводчатый потолок не мог – через узкие стрельчатые окна с мутноватыми чечевицеобразными стёклами проникало слишком мало света. И вообще король предполагал, что там стены зала покрыты копотью. Ему явственно представлялось, как по зимнему времени холодный ветер сдувает дым с высоко торчащих над черепичною кровлей труб и тогда закручивающиеся языки огня от полыхающих в камине дров не тянутся вверх, а, окутавшись сероватыми струйками, начинают рваться из широкого, прикрытого кованой решёткой устья наружу.

Несмотря на уже вступившее в свои права лето, в замке было холодновато, и нынешнюю ночь король спал под балдахин, от заношенных драпировок которого весьма ощутимо тянуло прелью. Неприятный запах этот, казалось, всё ещё преследовал давно вставшего короля и немало способствовал решению Сигизмунда как можно скорее покинуть свою временную ливонскую резиденцию. Едва неприятное воспоминание в который раз напомнило о себе, как неслыш-

но появившийся в зале дворецкой, словно по наитию угадав тайное желание короля, громко доложил:

– Ваше Величество, дормез¹ подан!

Сигизмунд молча кивнул и, спустившись по крутой лестнице, вышел на мощённый каменными плитами замковый двор, где в окружении рыцарей конвоя его уже ждал запряжённый шестернёй экипаж. Король мельком глянул на кучеров, державших в вытянутых руках вожжи, на придерживающих дверцу дормеза гайдуков и, усаживаясь, кинул через плечо ожидавшему распоряжений начальнику стражи:

– Гони!

Колёса прошуршали по мелкому гравию замкового въезда, а затем дормез покатил дальше, расплёскивая лужи, оставшиеся после ночного дождя. На размокшей колее мелкие кочки не ощущались, застоявшиеся кони шли рысью, и лёгкое покачивание успокаивало. Удобно откинувшись и утопив затылок в податливо мягкой спинке кожаного сиденья, король размышлял. Император Всея Руси Иван Грозный завоевал Казанское и Астраханское ханства, а затем, покорив Сибирь, обезопасил себя с востока. Идти на юг ему не давал крымский хан, зато Ливонский орден был слаб, и царь Иван направил своё стотысячное войско к Балтике. Его воеводы легко разбили рыцарей, захватили в плен магистра ордена и взяли Нарву.

Начиная войну с Ливонией, царь Иван говорил, что он

---

¹ Дормез – дорожная карета.

всего лишь желает вернуть свои давние земли и город Дерпт, который в прежние времена назывался Юрьев. Вспомнив об этом наивном объяснении причины войны, король Сигизмунд саркастически усмехнулся. Он хорошо понимал, что, заимев удобную гавань на море, царь умножает силы свои от выгод торговли и лёгкого общения с европейскими странами. И не случайно корабли Ганзы пошли к Нарве, поскольку теперь, чтобы попасть в Московию, не требовалось плыть вокруг Скандинавии. Он как король могучей Речи Посполитой такого допустить не мог и тоже вступил в войну. Его войска заняли Ригу и подступили к Ревелю, вот только там его опередила Швеция, тоже выступившая против едва не захватившего всю Ливонию царя Ивана.

Мерное покачивание дормеза навевало дремоту, но мысли, теснившиеся в голове короля, отгоняли сон. Конечно, царь Иван разбил Ливонию, вышел к морю и теперь жаждет большего. Достаточно вспомнить, что, когда он, король Сигизмунд, не желая отдавать царю Ливонию, предлагал разделить земли ордена, тот, обуреваемый гордыней, отказался. Но сейчас, когда объединённые Литва и Польша превратились в одно из сильнейших государств Европы, можно, предложив северные земли Швеции, стать хозяином морского побережья до Ревеля или Нарвы. А если смирить союзника царя, короля Дании Фредерика, то есть даже возможность отеснить Московию назад в Тартарию...

Вырисовывавшаяся перспектива успокоила короля, и он,

плохо спавший той ночью, наконец-то стал подрёмывать.

Путь от временной резиденции в замке до города оказался весьма долгим, и когда дормез подъехал к воротам Риги, защищённым Песчаной башней, притомившиеся кучера осадили подуставших коней. Дубовые, щедро окованные железными полосами створки гостеприимно распахнулись, и королевский кортеж втянулся на городские улицы. Здесь колёса дормеза уже не вязли в дорожной грязи, а с дробным постукиванием легко катились по тщательно вымощенному булыжником проезду. Узковатая улица вывела прямиком туда, где до недавнего времени обитал магистр Ливонского ордена. Это был старый Рижский замок, у которого одна из четырёх его башен, самая большая и круглая, называвшаяся Свинцовой, несколько выдавалась в сторону, лишь примыкая к стене, тянувшейся вдоль оборонительного рва.

Встреченного с должным почтением короля провели в магистерские покои, и Сигизмунд с удовольствием отметил, что обстановка здесь весьма располагает к отдыху. Однако прежде чем сесть в украшенное искусной резьбой кресло, король отошёл к окну со вставленными в раму на удивление прозрачными стёклами немецкой работы и посмотрел на открывавшийся из покоев вид. Совсем рядом теснились островерхие крыши каменных строений, над которыми высился Домский собор, а дальше просматривалась ярко синевшая Даугава. Глядя на широкую реку, плавно огибавшую городскую застройку, король подумал, что теперь, когда, по сути,

все порты Ливонии отныне в его руках, а занявшие Ревель шведы легко могут перекрыть Нарвский путь, у царя Ивана нет больше возможности торговать с западными странами.

Словно подтверждая такой вывод, на реке появился парус. Наверняка какой-то рыбак с побережья, пользуясь благоприятным ветром, плыл против течения. Решив, что всё именно так, Сигизмунд отошёл от окна и уселся в кресло. У короля почему-то сразу всплыло в памяти недавнее сообщение подсыла, который сообщал из Швеции, что ревельские купцы так жаловались королю Юхану:

«Мы стоим на стенах и со слезами смотрим, как торговые суда идут мимо нашего города к москвитам в Нарву», – после чего к Усть-Нарове слетелись шведские, польские, литовские корсары и стали грабить купцов, которые вели торговлю с Московией.

В покоях было тихо, никто не смел тревожить короля, и под наплывом приятных мыслей Сигизмунд сам не заметил, как смежил веки. Однако из этого благодного состояния полудрёмы его вывел хлопок двери. Король повернул голову, увидел входившего дворецкого и вопросительно посмотрел на него. Заметив, что король бодрствует, дворецкий стихил голос и доложил:

– Рижский бургомистр фон Экк с двумя ратманами² и старшиной Большой гильдии³ Мартином Гизе к вашей ми-

---

² Члены городского совета.

³ Союз богатых купцов.

лости... Пустить?..

Король подумал, что рано или поздно с этими людьми надо будет встретиться, и согласно кивнул. Дворецкий попятился, и почти сразу в покои короля вошли, начав кланяться от самого порога, четверо горожан. В ответ Сигизмунд покивал головой и сделал приглашающий жест, разрешая подойти ближе. Поняв, что король готов их слушать, бургомистр выступил на два шага вперёд и начал:

– Спешу выразить благодарность Вашему Величеству за то, что воины князя Ягайло королевским повелением заняли Ригу, а теперь и сам пан круль оказал нам честь своим приездом! Смею заверить, что только после прихода в город коронных войск жители Риги чувствуют себя убеждёнными от варварского вторжения московитов царя Ивана.

По этикету выставив вперёд ногу, бургомистр фон Экк сделал поклон, а король Сигизмунд, весьма довольный краткостью речи, благосклонно кивнул и после приличествующей паузы ответил:

– Полагаю, теперь, когда в Латгалии воцарилось спокойствие, торговым людям не будет помех от московитов.

К вящему удивлению Сигизмунда ратманы замялись, а старшина Большой гильдии Гизе с некоторой запинкой обеспокоенно заявил:

– Царь Иван вознамерился взять в свои руки соляной торг...

Король Сигизмунд об этом знал. Знал также о заявленном

французами протесте и резком ответе царя Ивана, объявившего, что он торгует своей солью, а не чужой. Впрочем, рижан следовало ободрить, и он сказал:

– По сухопутью доставить товар затруднительно, а все морские пути в наших руках.

– Оно так, – дружно закивали головами ратманы, но старшина гильдии неожиданно возразил:

– Царь Иван послал на наши торговые пути своего капера.

– Капера? – удивился Сигизмунд. – У царя же нет флота.

Горожане переглянулись между собой, и фон Экк сокрушённо вздохнул:

– К сожалению, это не так...

– Что значит «не так»? – Сигизмунд недоумённо глянул сначала на бургомистра, а затем – на старшину гильдии.

Король догадался, что горожане уже что-то вызнали, столь недавнее ощущение покоя сменилось беспокойством, и он раздражённо бросил:

– Ну, говорите же!

На этот раз отвечать королю стал не бургомистр, а старшина гильдии, который сказал:

– Ваше Величество, нам стало ведомо, что король Датский Фредерик отправил на службу москвитам своего капитана Карстена Роде, которому царь Иван наказал защищать Нарвский торговый путь от польских каперов, кои разбойным обычаем товары грабят и дорогу в Московию закрывают.

Похоже, вести у купцов и впрямь были важные, однако Сигизмунд всё же засомневался, спросив:

– Ладно, выходит, капитан есть, а где корабли брать?

Ответ на этот вопрос у старшины гильдии тоже был, и он обстоятельно пояснил:

– Царь Иван дал капитану Роде много золота, и он, перебравшись на остров Эзель в город Аренсбург, купил там по сходной цене добрый корабль, а потом, вооружив пушками, набрал команду из своих людей. Куда он теперь пошёл, мы не знаем, но опасаемся, как бы капитан этот не стал мешать кораблям нашим проходить в заливы Финский и Рижский, поскольку из Аренсбурга идти туда способно.

Услышав такое, король Сигизмунд помрачнел. Ему было хорошо известно, что правивший Эзелем герцог Магнус желал при поддержке царя Ивана стать королём Ливонии, и, конечно же, он будет содействовать всем начинаниям московитов...

Глава 2

Эмин-паша, облечённый властью как особо доверенное лицо султана, не переносил качку. Именно поэтому каждый раз, когда светоч добродетели Селим II, не обделявший своими милостями Эмина-пашу, отправлял его в Кафу или Очаков, султанский посланец, ещё не успев взойти на борт, вроде бы начинал ощущать тошноту. Правда, на этот раз Понт Эвксинский был милостив, и за весь путь от Стамбула до Крыма не случилось ни одного шторма, но быстроходную малую галеру, на которой в этот раз довелось плыть, качало при любой волне, отчего досточтимый паша всё время лежал пластом в своей каюте на жёстком диванчике, застеленном для удобства ворсистым ковром.

Однако, когда в полный штиль галера шла только на вёслах, морская болезнь временно отступала, и тогда Эмин-паша принимался размышлять. Обстановка для высокой Порты складывалась благоприятная. Войско султана одерживало победы, его флот безраздельно господствовал в Море⁴, однако границы Орды требовали внимания. За последние годы набравший силу царь Московии присоединил к своим владениям Казанское и Астраханское ханства, распространил своё

---

⁴ Морея – средневековое название полуострова Пелопоннес на крайней южной оконечности Балканского полуострова, в южной части современной Греческой Республики.

влияние на Теберду, а потом, решив пробиться к Балтийскому морю, начал войну с Ливонией. Это сильно обеспокоило Европу, заставив вмешаться короля польского, германского императора и даже папу Римского.

Вдобавок совсем недавно нейтральная до поры Швеция тоже послала войско в Прибалтику, и Ливонская война, поначалу удачная для Москвы, стала опасно затягиваться. Дошло до того, что царь Иван Грозный вынужден был собрать там всю свою рать да и сам перебрался в Новгород. Там же, при нём, были ближние бояре, приказные дьяки, казна и личная гвардия царя. Вдобавок вблизи города стояло двадцать тысяч резервного войска, и, по прикидкам Эмина-паши, уходить из Ливонии русичи не собирались. А коль так, то на южном порубежье Московии больших сил быть не могло. На эту тему у паши с султаном был тайный разговор, после которого Эмин без особой огласки отправился прямиком к крымскому хану.

Неожиданный стук двери прервал плавный ход мыслей. Эмин-паша повернул голову и увидел капитана галеры, застывшего в выжидательной позе на пороге. На судне это был единственный человек, кто в случае надобности имел право побеспокоить пашу, и, понимая, что капитан пришёл неспроста, Эмин-паша поощрительно кивнул:

– Ну... что там?

– Эфенди, – капитан почтительно склонил голову, – мы у крымского берега.

Эмин-паша, с трудом преодолевая слабость, сел, провёл по лицу ладонями и негромко, но так, чтоб капитан слышал, произнёс:

– Велика милость Аллаха...

Из каюты Эмин-паша вышел только тогда, когда услышал топот и радостные возгласы на палубе. Зато открывшаяся ему картина была не особо радостной. Скалистый берег, вплотную приткнувшись к которому, стояла галера, круто поднимался вверх, и только там выше росла какая-то зелень. В начале распадка теснилось несколько убогих строений, там же толпились какие-то люди, но Эмин-паша спрашивать ничего не стал, а, стремясь поскорее сойти с галеры, прошёл к борту, а затем, почтительно поддерживаемый с двух сторон слугами, спустился по сходням и, наконец-то ощутив под ногами твёрдую землю, облегчённо вздохнул.

Как оказалось, постройки у распадка были рыбацким селением, где теперь расположился ханский дозор. Не составляло труда догадаться о том, что стража тут стоит не случайно и от укромной бухточки ближе всего до Бахчисарая. Само собой, это было известно капитану галеры, и он хорошо знал, куда идти. И, конечно же, в своих предположениях Эмин-паша не ошибся, особенно после того, как начальник дозора со всем почтением предложил высокому гостю отдохнуть с дороги. Правда, всего лишь глянув на убогое жильё, Эмин-паша отказался от отдыха и заявил, что намерен продолжить путь немедленно.

К удивлению Эмина-паши, кони были предоставлены быстро, и, садясь в седло, посланец султана внутренне улыбнулся. Он припомнил, как ещё совсем недавно ему доводилось сутками не слезать с коня, и эти воспоминания молодости вселили в него уверенность, что усталость от изматывающего морского путешествия скоро пройдёт, позволив ему ехать без остановок. К тому же, стремясь быстрее достигнуть Бахчисарая, задерживаться здесь Эмин-паша никак не собирался, а потому, едва его спутники тоже оседлали коней, нетерпеливо тронул поводья.

Дорога, а точнее сказать, тропа, начинаясь от самого распадка, круто шла на подъём, и когда кавалькада всадников, где посланник султана ехал уже в сопровождении вооружённого татарского конвоя, выбралась наверх, перед Эмином-пашой открылась красочная панорама крымских предгорий. Однако любоваться окрестностями Эмин-паша не желал, а, скорее наоборот, почувствовав некий прилив сил, принялся загодя обдумывать, что именно он скажет весьма своему равному крымскому хану, чтобы как можно лучше и быстрее выполнить наказ султана...

Оставшийся на берегу начальник дозора уверял Эмина-пашу, что путь до Бахчисарая не будет долгим, но, по мере того как всадники, миновав обширное плоскогорье, всё больше углублялись в горы, посланник султана стал в этом сомневаться. Правда, тропа выглядела достаточно быстрой, привычные к такому пути татарские кони шли ходко,

вдобавок ехавший первым проводник то и дело командовал переходить с шага на рысь, а значит дорогу знал хорошо. К тому же довольно скоро впереди замаячили вершины Чуфут-Кале, и Эмин-паша подумал, что последний отрезок пути, не в пример переходу морем, будет лёгким.

Однако кручёная горная тропа то поднималась вверх, то, наоборот, ныряла в ущелье, и порой даже начинало казаться, будто её бесчисленные повороты просто повторяются. В конце концов выяснилось, что Эмин-паша весьма переоценил свои силы, и когда после многочасового пути, уже в Бахчисарае, перед ханским дворцом люди Хапу-агаси⁵ бережно снимали его с седла, посланник султана чувствовал себя совершенно разбитым. Правда, показывать это было негоже, и, стараясь хоть как-то не подавать вида, он внешне держался бодро.

О прибытии высокого гостя, конечно же, было сообщено немедленно, и дворцовая челядь выказывала ему всяческие знаки, а капуджи-баши⁶ с поклонами провел Эмина-пашу во внутренние покои, где его уже ждал сам крымский хан Девлет-Гирей. Приложив ладонь сначала ко лбу, а потом к груди, теперь уже Эмин-паша склонился в поклоне и выпрямился лишь после того, как услышал:

- Благополучен ли светоч мира султан Селим?
- Милостью Аллаха досточтимый султан Селим чувству-

---

⁵ Охранитель дверей дворца.

⁶ Адъютант хана.

ет себя хорошо, – деля теперь только полупоклон, ответил Эмин-паша.

– И да продлит Аллах его дни, – вздев руки, закончил приветствие Девлет-Гирей, а затем жестом пригласил гостя сесть.

Эмин-паша опустился на ковёр и, ощутив под боком подушку, расслаблено прикрыл глаза. По-своему оценив молчание гостя, хан хлопнул в ладоши, и тотчас из-за шёлковой занавески ящерицей выскользнула гибкая одалиска. Одновременно скрытые за той же занавесью музыканты негромко заиграли, и девушка начала танцевать. Золочёный пояс, низко держа на бёдрах узорчатые шальвары, полностью открывал соблазнительный, всё время находившийся в ритмичном движении живот, её ноги неслышно скользили по полу, а руки, плавно изгибаясь, словно призывали к сладостной неге. Девичью грудь прикрывали маленькие медные чаши, украшенные двумя рубинами, в то время как лицо до самых глаз как бы пряталось под вовсе не скрывавшей черт кисейной чадрой.

Вид одалиски был настолько притягателен, что Эмин-паша, чувствуя, как закипает кровь, неотрывно следил за ней, и, заметив это, Девлет-хан, понизив голос, сказал:

– Если высокочтимый паша сочтёт её достойной, она радостно может сопровождать нашего гостя в сад наслаждений...

Какое-то время, внутренне напрягаясь, Эмин-паша мол-

чал, но потом взял себя в руки и отрицательно покачал головой:

– Не сейчас...

– Хоп⁷, – согласился с Эмином-пашой Девлет-хан, и по мановению его руки танцовщица исчезла, музыка смолкла, а чьи-то руки плотно задёрнули занавесь.

Затем, выждав приличествующую случаю паузу, Девлет-Гирей спросил:

– С чем прибыл в Кырым-юрт высокочтимый паша?

Эмин-паша посмотрел прямо в лицо хану и медленно, со значением, произнёс:

– Его величество султан Селим хотел бы знать, о чём подумал хан Девлет-Гирей, когда ему стало известно, что вступившая в войну с Москвой Швеция сильно поубавила прити царю Ивану?

– А что в Стамбуле? – сразу задал встречный вопрос Девлет-хан.

Увидев, как насторожился Гирей, Эмин-паша пустил пробный шар:

– Там прошёл слух, что негодяи жалуются, будто в Кафе⁸ совсем мало ясыря⁹...

---

⁷ Ладно.

⁸ Кафа – название города Феодосия в X–XV веках, в русских источниках до XVIII века.

⁹ Ясырь (тур. esir – узник войны) – пленные, которых захватывали турки и крымские татары во время набегов на русские, польские, валахские, молдавские и др. земли.

В глазах хана тут же проскользнул алчный блеск, и Эмин-паша понял, что прибыл не напрасно. Однако ни тот, ни другой начинать нужный разговор не спешили. Более того, и в самом деле утомившийся Эмином-паша снова прилёг на подушку, продолжая из-под полуприкрытых век наблюдать за ханом, который долго сидел неподвижно, а потом снова, на этот раз дважды, хлопнул в ладоши. По этому сигналу слуги принесли уже дымящийся кальян, а перед Эмин-пашой поставили блюдо с фруктами и всяческим сладостями. Девлет-хан глубоко, с наслаждением, затянулся, выпустил колечко ароматного дыма и, держа янтарный мундштук кальяна в руке, задал осторожный вопрос:

– Его Величество считает, пора?

– Возможно, сейчас самое время, – слегка уклончиво ответил Эмин-паша.

Конечно, посланец султана мог, и не делая никаких намёков, передать хану приказ немедленно отправляться в набег, но он вёл разговор так, чтобы Девлет-Гирей мог сам принять решение. И умудрённый опытом Эмин-паша не ошибся. Девлет-Гирей напрягся, несколько раз затянулся так, что в кальяне начинала громко булькать вода, и наконец твёрдо заявил:

– Так я пойду на Московию! – и, резко вскинув голову, хан посмотрел как бы мимо Эмина-паши, будто уже видел где-то там, вдалеке, несущихся по полям всадников, вереницы ясыря на дорогах и тёмные столбы дыма над разграбленными

селениями русов...

Глава 3

«Весёлая невеста», трёхмачтовый пинк¹⁰ водоизмещением в сорок тонн, слегка кренясь, хорошо шёл, пользуясь ровным попутным ветром. Его туго натянутые косые паруса и обводы корпуса с сильно зауженной кормой позволяли развить приличную скорость, отчего стоявший у борта «морской атаман» царя Ивана Карстен Роде, вглядываясь в растилавшуюся перед ним даль, испятнанную белыми барашками волн, рассчитывал на удачу. В его «фартовой грамоте», каперском свидетельстве, выданном царём Московии, утверждавшем, что капитан не пират, было написано:

«Силой врагов взять, а их корабли огнём и мечом сыскать, зажигать и истреблять. А нашим приказным людям в наших пристанищах на море в чести держать, и что ему надобно продать без обиды».

«В доле» у «морского атамана» был сам царь Иван, которому Роде обязался отдавать пушки и часть добычи, в то время как вся команда «Весёлой невесты» состояла на царском жаловании, а значит, никого из моряков пинка считать разбойниками не полагалось. Для столь достойного занятия в распоряжении Роде имелось тридцать пять человек коман-

---

¹⁰ Пинк – промысловое и торговое судно XV–XIX веков с плоским дном, выпуклыми боками и узкой кормой; в Северной Европе обычно имело 2, а на Средиземном море – 3 мачты с косыми парусами.

ды, три большие чугунные пушки, десять малокалиберных «барсов» и восемь пищалей. Вдобавок, на всякий случай, в трюме были припрятаны две боевые кирки, а точнее – окované железом тараны, необходимые для пролома бортов чужих кораблей. Ещё, дабы утвердиться в новом звании, по выходе из Аренсбурга Роде велел поднять русский флаг, и сейчас на мачте пинка развивался червлёный стяг¹¹.

Правда, надо признать, кое-что всё-таки беспокоило капитана Роде, и он время от времени перегибался через фальшборт, с некоторой опаской поглядывая на полускрывшуюся в воде грузовую марку. Всё дело было в том, что, едва «Весёлая невеста», покинув Аренсбург, вышла из Рижского залива в открытое море, как в трюм откуда-то начала поступать вода. Похоже, в расшатавшихся пазах обшивки открылась течь, и боцману пришлось поставить на ручную помпу людей. Пока то и дело возобновлявшаяся откачка помогала, уровень воды в трюме оставался приемлемым, что подтверждала не уходившая под воду нанесённая на борт у ватерлинии грузовая марка. Однако предусмотрительный Роде опасался худшего и, не теряя надежды высмотреть добычу, всё же приказал держать курс на остров Борнхольм.

Услыхав, что кто-то остановился рядом, Карстен Роде бросил рассматривать грузовую марку и обернулся. Оказалось, к нему подошёл его помощник Клаус Гозе и сейчас вопросительно смотрел на капитана.

---

¹¹ Красный флаг.

– Ничего, похоже, дойдём, – поспешил успокоить его Роде.

– Ну-ну... – вздохнул Клаус и зачем-то тронул край шляпы.

Капитан ещё раз глянул на помощника и усмехнулся. Кажалось, тот был уже готов к любой ситуации. Сбоку у него висела абордажная сабля, а с плеча, наискось, шла «пиратская перевязь» – широкая кожаная лента с четырьмя петлями, в каждой плотно сидел короткоствольный пистолет. Говорить вроде больше было не о чем, они, словно изучая друг друга, молча обменивались взглядами, и тут неожиданный выкрик вперёдсмотрящего: «Парус!» – заставил их встрепенуться.

Роде вскинул голову и крикнул сидевшему в бочке¹² наблюдателю:

– Что видно?

– Буер¹³, – донеслось сверху. – Идёт мористее...

– Право на борт, – приказал Роде, и они вместе с Гозе побежали на бак¹⁴.

Два рулевых с усилием отвели в сторону тяжёлый румпель, и пинк, взяв круче к ветру, прибавил скорость.

Ни наблюдатель, ни вперёдсмотрящий не ошиблись. Капитан и его помощник действительно увидели пытавшийся ускользнуть от них буер. Но судёнышко, видимо, было тя-

---

¹² Смотровая площадка на мачте.

¹³ Полупалубное одномачтовое судно.

¹⁴ Носовая часть судна.

жело гружённым, вдобавок имело уж очень малый парус, и быстроходный пинк стал довольно быстро догонять буер. Конечно, предстоящая добыча выглядела не особо ценной, но лиха беда начало, и Роде, распорядившись зарядить пушки, приказал всем разобрать оружие. Пинк уверенно догонял буер, и капитан, велев навести большую чугунную пушку с упреждением, махнул канонирам:

– Пали!

Грохнул выстрел, облако дыма поплыло в воздухе, а когда ядро рикошетом поскакало по воде перед носом буера, Клаус Гоце зычно проорал по-датски:

– Tag seilet ned!¹⁵

Команду поняли правильно, парус опал, и пинк всё ближе стал подходить к качающемуся на волне буеру. Когда до борта судёнышка оставалась ещё пара сажений, с пинка полетели кошки, и команда «Весёлой невесты» начала подтягивать захваченный приз. Люди на буере заметались, начали было рубить верёвки кошек, но с борта пинка протянулось пяток багров, и исход схватки всем стал ясен. Клаус, угрожающе размахивая саблей, обернулся к Роде и, имея в виду команду буера, быстро спросил:

– С ними что делать будем?

– А что тут гадать? – пожал плечами капитан. – Загоним в трюм, пусть воду откачивают.

Дальше всё пошло, в общем-то, мирно. Пленники не со-

---

¹⁵ Спустить парус!

противлялись, на буер, как оказалось, доверху загруженный солью, с частью своей команды спустился сам Роде, и оба судна, стараясь держаться в виду друг друга, пользуясь попутным ветром, направились к Борнхольму, стремиться к которому у Роде оснований было больше чем достаточно. Дело в том, что остров, где совсем рядом проходили торговые пути, хоть и был арендован Ганзейским союзом, но из-за удобного расположения его вдобавок облюбовали каперы всех мастей, базируясь там, а для видимости порядка в гавани постоянно находилась датская военная флотилия, адмирал которой всеми признавался главным начальником острова.

К Борнхольму буер и пинк дошли благополучно. Велев Клаусу заняться срочным ремонтом «Весёлой невесты», Роде первым делом отправился с визитом к адмиралу, чтобы затем, уже без помех, заняться реализацией захваченного груза и прочими текущими делами.

Признаться, идти туда Роде несколько побаивался, но всё обошлось как нельзя лучше. Датский адмирал, командовавший флотилией на Борнхольме, считал «корсаров царя Ивана» союзниками и чинить им никаких препон намерен не был. Больше того, он снабдил Карстена Роде необходимыми капитану лоциями и картами, вдобавок вовсе не препятствуя отправке первой добычи корсара в Копенгаген.

Ремонт «Весёлой невесты» не затянулся. Течь была вскоре найдена, пазы заново проконопачены, а в нескольких по-

дозрительных местах сменена обшивка. В общем, уже через пару недель пинк снова вышел в море, и каждый раз, когда боцман спускался в трюм, он докладывал, что новой течи нет, а дополнительных усилий на ручной помпе не требуется.

Здесь морские пути шли от Борнхольма по двум направлениям: северное – к Стокгольму, а южное – к Данцигу и Риге.

Погода была переменчивой, и, надеясь на её улучшение, Роде выбрал северный путь. Капитан не ошибся: уже наутро ветер, сделавшись ровным, подул в нужном направлении, и «Весёлая невеста» стала быстро набирать ход.

Море довольно долго оставалось пустынным, однако ближе к полудню был замечен идущий тем же курсом корабль. Ветер к тому времени начал несколько рыскать, дуть порывами, и, чтобы увеличить скорость пинка, Роде пришлось маневрировать. Идущий впереди корабль тоже пробовал маневрировать, но, по всей видимости, он был намного тяжелее пинка, и «Весёлая невеста» заметно стала его догонять.

Когда расстояние между кораблями достаточно уменьшилось, капитан и его помощник Клаус Гозе рассмотрели, что они преследуют хулк¹⁶, который был чуть ли не вдвое больше «Весёлой невесты». Впрочем, это их не остановило, и, когда корабли сблизилась на пушечный выстрел, Роде при-

---

¹⁶ Североевропейское парусное судно X–XVI веков. В современном толковании термин неоднозначный и может означать весьма разные суда (в разные периоды).

казал открыть огонь.

Все три чугунные пушки пинка враз выпыхнули пламенем; было видно, что ядра попали в цель, но хулк даже не изменил курс и продолжал уходить. Тогда несколько удивлённый Роде велел палить по оснастке из установленных на палубе «барсов», и их мелкие ядра засвистели вокруг парусов хулка. Но удачных попаданий не было, и Роде вызвал всех наверх, готовясь к абордажу. Сжимая в руках сабли и кошки, матросы сгрудились у фальшборта, и тут произошло нечто совсем неожиданное. Под кормовой надстройкой хулка, низко над водой, внезапно открылись порты, оттуда выглянули пушечные жерла, и грянул залп. Ядро, прилетевшее с хулка, в щепки разбило деревянный станок «барса», осколки полетели во все стороны, а ствол орудия, сбивая с ног уцелевших канониров, покатился по палубному настилу. Одновременно откуда-то снизу долетел истошный вопль оказавшегося там боцмана:

– Капитан!.. В трюме вода!..

Услыхав такое, Роде бросил испуганный взгляд на помощника. Они оба поняли, что тяжёлые ядра низко расположенных пушек хулка пробили борт ниже ватерлинии, и теперь их «Весёлая невеста» вряд ли удержится на поверхности. Однако так же хорошо они осознали единственно возможный выход – им остаётся только идти на абордаж, чтобы во что бы то ни стало захватить хулк, пока он не утопил их. И капитан с помощником стали немедленно действовать. Гозе тут же вы-

хватил из рук у ближайшего матроса кошку и, изо всех сил раскрутив её в воздухе, швырнул в сторону хулка. Всё-таки долетев, кошка удачно зацепилась за ванты, и Гоце, ухватив конец, начал тянуть.

Ему на помощь бросился прибежавший к капитану с докладом боцман, а сам Роде, стряхнув охватившее было его временное оцепенение, заорал:

– На абордаж!!!

Только и ждавшие этой команды корсары принялись кидать кошки, и, хотя они долетали не все, между кораблями один за другим стали повисать концы, за которые на уже заметно начавшем оседать пинке сразу хватались по несколько человек. Сначала медленно, а потом всё быстрее «Весёлая невеста» стала подходить к хулку, и когда борта кораблей с треском столкнулись, Роде, выкрикнув: «Вперёд!!!» – пальнул из пистолета в кого-то из тех, кто метался там, на чужой палубе, и, чтоб взобраться наверх, ухватился за оборванную ядром вантину.

Следом, с грозными криками, размахивая короткими абордажными саблями, полезли на хулк и его люди, не хуже своего капитана понимавшие, в какой ситуации оказались...

Глава 4

В гавани Рённе, что на Борхольме, было тесновато от собравшихся там кораблей, и капитану пришедшего туда ганзейского когга¹⁷ с трудом удалось отыскать место для стоянки своего судна. Но когда десятипудовый якорь, прогремев цепью, вцепился лапами в песчаное дно, к рыскнувшему было в сторону, а потом замершему, как конь на привязи, коггу устремились малые судёнышки, спешившие начать разгрузку «купца». Однако, спустив на тросах лебёдки в подошедшую к самому борту лодью всего пару связок доставленных из Нарвы мехов, когг сам стал принимать необходимые для дальней дороги запасы, и тогда же с него в лодью сошли сразу два десятка зачем-то прибывших в Рённе пассажиров.

Лодья подняла парус, но лавировать между стоявшими в гавани судами было трудно, и тогда сидевшие в ней люди сами взялись за вёсла. Правда, двое из них остались стоять на носу лодьи, с интересом присматриваясь к раскинувшемуся на берегу городу. Звали их Егор Кольцо и Михайло Третьяк. На Борнхольм они прибыли из Московии, и у Егора как у старшего в наплечной сумке лежала царская грамота. По

---

¹⁷ Когг – основной тип судна Ганзейского союза. Это высокобортное, палубное, одномачтовое (позже двухмачтовое) судно с мощным набором корпуса. Характерная особенность коггов – навесной руль и прямые штевни, сильно скошенные к линии киля.

летнему времени ярко светило солнце, но с моря дул пронизывающий ветер, и было свежо. Зябко кутаясь в лёгкий кафтан, Михайло Третьак, кивнув в сторону берега, заметил:

– Смотри, строения у них какие яркие, тут тебе и жёлтые, и красноватые, и белые. Как солнце светит, даже просто глядеть весело.

– Ага, – согласился с ним Егор и покачал головой: – А у меня дома полгода, почитай, одни сполохи...

Тем временем лодья причалила к пристани и пассажиры когда поднялись на дощатый настил. Прикинув, что тут да как, Егор велел пока всем оставаться на месте и ждать, а сам по узкой припортовой улочке направился в город.

Шагая по мощённому проезду, Егор внимательно приглядывался к домам и, углядев один, выкрашенный в ярко-жёлтый цвет, остановился. Дом был одноэтажный, с крутой черепичной крышей, из конька которой высоко торчала печная труба. Ещё к углу этого дома, рядом с выходящей на улицу дверью, был приделан железный кованый брус. Сверху на нём крепился шестигранный фонарь, а под ним, у самого конца бруса, висел искусно раскрашенный деревянный окорок.

Егор глянул по сторонам и, хмыкнув, открыл дверь. В харчевне было пустовато, но зато взаправду пахло свежим окороком, пивом и ещё чем-то пряным. У лежавшей на деревянных козлах бочки, спиной к Егору, стоял человек, который, услышав, что кто-то вошёл, обернулся. Немного помед-

лив, Егор сказал:

– Мне бы хозяина...

– Ну, я хозяин... – Вытирая руки о висевший на груди кожаный фартук, человек спросил: – А ты сам откуда?

– Из Московии я, – косо глянув на хозяина, начал Егор. – Велено мне спросить у тебя про капитана Карстена Роде, а ежели его нету, то ты сказать должен, где моим людям остановиться...

– Из Московии, значит... – Хозяин кончил вытирать руки. – А люди-то твои где?

– На пристани я их оставил, – ответил Егор. – Там ждут.

– Повезло тебе, московит. Здесь капитан Роде, я скажу, чтоб провели вас. – Хозяин харчевни усмехнулся и, взяв с полки колокольчик, начал звонить, вызывая службу.

Служка из харчевни оказался больно молчаливым, и, сколько Егор ни спрашивал про город, так ничего и не сказал. Зато он беспрекословно пришёл на пристань и, забрав оттуда заждавшихся московитов, через путаницу припортовых складов быстро вывел их всех к причалу, у которого стоял большой, явно готовый к плаванию трёхмачтовый корабль. Там, вдоль дубовых кнехтов с наброшенными на них чалками, прохаживался человек, сразу привлёкший внимание Егора. Высокий, худощавый, с жёстким обветренным лицом, одетый в голландские штаны пузырями и короткую морскую куртку, он при каждом порыве ветра останавливался, брался за край украшенной плюмажем шляпы, а уже по-

том шёл дальше.

Служка из харчевни подошёл к нему и, показав на следовавших за ним людей, наконец-то открыл рот:

– Хере капитан, они из Московии, сказали, ищут Карстена Роде.

– Ко мне? – Карстен Роде, а это был он, глянул на подошедших и, безошибочно признав в стоявшем впереди Егоре старшего, спросил: – А ты кто таков будешь?

– Кормщик Кольцо, из поморов, – ответил Егор и показал на державшегося чуть в стороне Михайлу: – А это пушкарь московский, Третьак.

– Хорошо, – кивнул Роде и показал на остальных москвитов. – А эти кто?

– Стрельцы, пушкари, поморы, – обстоятельно перечислил Егор и, подумав, добавил: – Они на царском жаловании, как положено, по шести гульденов в месяц на казённых харчах...

– Весьма кстати, что так, а служить вы все на нём будете, – капитан показал большим пальцем себе за спину, где высился свежеспромоленный борт, и весело подмигнул Егору: – Как кораблик, кормщик?

Егор отступил на пару шагов, чтобы лучше видеть трёхмачтовик, задержал взгляд на принайтовленном у носа к борту двухлапом якоре и, только углядев под высокой кормовой надстройкой четыре идущих в ряд, плотно закрытых орудийных порта, похвалил:

– Хороша посудина... Откуда?

– У свеев отобрал, – хищно улыбнувшись, ответил Роде.

– Вон оно что, – одобрительно покачал головой кормщик и, не имея возможности увидеть кормовую надпись, поинтересовался: – Имя-то у корабля какое?

– «Заяц», – усмехнулся Роде.

– Чего так? – удивился Егор.

– Удрать хотел, да не вышло, вот и «Заяц», – весело рассмехался Роде. – А корабль нужен, я ж царю Ивану обещал, как Его Величество повелел, товары только в Нарву и из Нарвы пускать, остальным хода нет.

Лишь сейчас вспомнив про лежавшую в сумке царскую грамоту, Егор спохватился, но передать её не успел. К ним подбежал, судя по всему, боцман и доложил:

– Гере капитан, пушки привезли...

– Наконец-то! – обрадовался, видимо, ждавший этого сообщения Роде и показал боцману на москвитов: – Этих всех – в мою команду. Отведи, а я насчёт пушек распоряджусь.

Роде быстро куда-то направился, а оставшийся за него боцман лишь что-то буркнул, показав в сторону установленного ближе к корме временного трапа, ведущего с причала на корабль.

Вместе со всеми Егор поднялся на палубу и стал осматриваться. Здесь для кормщика всё было внове: и размеры добротного строенного судна, и висевшие на мачтовых реях туго смотанные огромные паруса. Вниз к пушкам, куда первым

делом отправился Михайло Третьяк, кормщик не спускался и, пока боцман размещал в твиндеке москвитов, успел побывать сначала на баке возле ворота, которым на «Зайце» поднимали якорь, а затем на юте, где был румпель, особо изучив устроенный там же навигационный стол с закреплённым сверху компасом-«маткой».

Заглянул кормщик и в выделенную для него и Третьяка как старших у москвитов отдельную каюту – одну из тех, что составляли верх высокой кормовой надстройки. Свет в неё попадал через прорезанное в борту окно с наклонной, мелко застеклённой рамой, а возле стен имелись два топчана. Под ними стояли морские, особо устойчивые ввиду постоянной качки, морские рундуки, а выше, где-то на уровне роста, был прибит целый ряд медных крючков, на которые полагалось вешать одежду, оружие, сумки и прочий скарб. Усевшись на один из топчанов, Егор задумался. В письме для капитана Роде, находившемся в сумке, об этом ничего не было, но кормщик знал: сюда он направлен как негласный соглядатай государя.

Егор Кольцо был извещён, что Роде полагалось, как сразу сказал ему капитан, перекрыть Нарвский путь, и поначалу корсар так и действовал, базируясь на Эзеле, но вскорости ушёл к Ревелю, а затем и вовсе перебрался поближе к Копенгагену, на остров Борнхольм. Как Роде обосновался на Борнхольме, Егор при помощи Михайлы, общавшегося с канониками «Зайца», вызнал довольно скоро. Оказалось, что охота

на «купцов» идёт весьма успешно и сейчас под началом Роде уже целая флотилия, для которой и были закуплены доставленные на днях пушки. Эти важные сведения подтвердились сразу, едва только «Заяц» поднял якорь, так как следом за ним из гавани Рённе вышли ещё два корабля.

В открытом море флотилия тотчас перестроилась. Большой «Заяц» как флагман шёл в центре линии, а справа и слева от него, чуть поотстав, плыли меньшие по размерам двухмачтовики. В «вороньи гнёзда» всех трёх кораблей поднялись наблюдатели, которые не только высматривали «купцов», но, в случае надобности, могли и обмениваться сигналами между собой. Командовал флотилией сам Роде, капитаном «Зайца» считался его помощник Клаус, Егора определили по навигацкой части, Михайло Третяк распорядился у пушек, а с парусами управлялся боцман.

Погода была благоприятной. Сильный и ровный, но не особо попутный ветер лишь слегка кренил корабли да гнал по морю белые барашки волн.

Спустившись южнее Борнхольма, капитан Роде начал поиск. Три его корабля то шли, пользуясь попутным ветром, то начинали лавировать, вроде как крутятся на одном месте. Как начинал догадываться всё время находившийся на палубе кормщик, Роде, отлично зная пути купеческих караванов, выходил им навстречу и, лавируя, ждал, не появится ли какой «купец». Однако море оставалось чистым, и от возни с компасом Егора оторвал только выкрик из «вороньего гнез-

да»:

– Вижу землю!

Поскольку земля должна была появиться с веста, Егор начал присматриваться, однако с палубы пока ничего рассмотреть не удавалось. Роде приказал начать очередную лавировку, и тут новый крик наблюдателя: «Вижу купеческий караван!» – всполошил всех.

Поняв, что надо смотреть в другую сторону, Егор вгляделся и различил в морской дымке идущие друг за другом сразу пять кораблей. Роде с помощником тоже выскочили наверх, и Клаус, стоя у навигацкого стола, уверенно начал перечислять:

– Неф¹⁸... Когг... Ещё когг, ещё... Идут под флагом Гданьска... – и, наконец, несколько встревоженно сообщил: – Капитан, у них каракка!¹⁹

Кормщик уже хорошо знал, что тихоходный пузатый неф – лёгкая добыча, когги тоже особо сопротивляться не смогут, но всем корсарам было известно: пиратам взять каракку почти невозможно. Однако Роде был как всегда уверен в себе и тотчас приказал:

---

¹⁸ Неф – южноевропейское, в основном характерное для Средиземноморского бассейна, деревянное торговое и военно-транспортное судно X–XVI веков. Изначально имел одну-две мачты и латинское парусное вооружение.

¹⁹ Каракка – большое парусное судно XV–XVI веков, распространённое во всей Европе. Отличалось исключительно хорошей по тем временам мореходностью, с чем связано активное использование каракк для плаваний в океанах в эпоху Великих географических открытий.

– Держать курс наперерез!

Заскрипел румпель, шедшие следом корабли тоже повернули, и, набрав ветер, «Заяц» пошёл шибче. Похоже, идущие вполветра «купцы» заметили опасность и, свалив под ветер, стали расходиться веером, стараясь удрать.

Началась погоня, и часа через полтора «Заяц» догнал отстававший неф и шедший почти рядом с ним когг. Роде сам показывал рулевым, как править, и через малое время «Заяц» был уже между этих «купцов». Капитан склонился к открытому люку и зычно прокричал вниз:

– Палить правым бортом!

Почти сразу пушки залпом ударили по нефу, его главный парус, разодранный ядром, с треском лопнул, и потерявшего ход «купца», стало заносить бортом к ветру. Теперь никуда уйти он не мог, и Роде, указывая рулевым на идущий слева когг, приказал:

– Режьте ему курс, – а затем рывкнул канонирам: – Теперь левым!

Заряженные ранее пушки левого борта дали залп, сбив фок-мачту, после чего «купец» рыскнул, столкнулся с «Зайцем», и abordажная партия, грозя саблями, полезла на палубу когга. Егору уже было ясно, чем кончится схватка, и он поискал взглядом другие корабли Роде. Каждый из них тоже успел сцепиться с одним из двух остававшихся коггов, и только опасная каракка, к тому же оказавшаяся крайней в этом неровном строю, набрав ход, уходила от захвативших

свою добычу корсаров...

Глава 5

Крепость, надёжно запиравшая подходы к Усть-Нарове, была построена из кондовых брёвен по приказу Ивана Грозного сразу после того, как его войска взяли Нарву. Её высокая сторожевая башня стояла в самом центре укрепления, окружённая крепким палисадом, укрывавшим нацеленные на реку пушки. Дальше желтела широкая полоса песка, вдоль которой катилась к морю вода Нарова. Крутая лестница вела на самый верхний ярус башни, и сейчас по ней поднимался начальник стражи, стрелецкий голова. Взойдя наверх, где неотступно сидел остроглазый стрелец, он спросил:

– Видать что-либо?

– Да пока нет вроде... – как-то неуверенно ответил наблюдатель и стал к чему-то присматриваться, а затем, показывая на море, сказал: – Никак к нам буер...

Начальник стражи тоже начал смотреть в ту сторону, но он был слаб глазами и с трудом углядел среди белых барашков волн сероватое пятно. Ветер дул с берега, и зайти под парусом в устье реки буер не мог. Потому вскорости серое пятно пропало, а позже по бокам приближающейся точки стали заметны два ряда вёсел. Большого рассмотреть голова не сумел и спросил у не отрывавшего глаз от буера стрельца:

– Что там?

– Точно, к нам идут, – отозвался стрелец и озабоченно

добавил: – У них на носу малая пушка, чего-то с ней возятся, вроде как стрелять собираются...

Это известие не сильно обеспокоило начальника. И точно ещё на дальних подходах пушка выстрелила. Звук был не особо сильный, но видный издалека клуб дыма повис над буером.

– Видать, сигналият, – глядя на начальника, предположил стрелец.

– Ну, так пальни, – приказал голова.

Стрелец взял стоявшую у стены пицаль, вздул фитиль и, выставив ствол в бойницу, бабахнул так, что дымом ответного сигнала заволокло весь верх сторожевой башни. Буер заметно прибавил ходу, а начальник стражи не торопясь спустился с башни и вышел на смотровую площадку у палисада.

Пока стрелецкий голова прикидывал, кто плывёт, буер вошёл в реку, а когда поравнялся с крепостью, оттуда крикнули:

– Царёв кормщик Егор Кольцо к государю!

– Откель идёшь, кормщик? – задал вопрос голова, приглядываясь к двум установленным на носу буера пушкам и сидевшим вдоль бортов гребцам.

– От самого Борнхольма, – громко, так, чтоб было слышно за палисадом, ответил Егор.

– Далековато, однако... – хорошо знавший про все морские пути начальник покачал головой и, увидев, как табанившие было гребцы снова опустили вёсла, подгребая, чтоб

течение не сносило буер, засомневался: – А с тобой что за люди?

– Наши, поморы и москвитяне, – заверил стрелецкого голову кормщик.

– Добро, – кивнул голова и, ещё раз придирчиво глянув на тех, кто был в буере, поинтересовался: – Как мимо Ревеля шли, свеев часом не встретили?

– Обошлось, – весело отозвался кормщик и в свою очередь спросил: – Нам что, приставать?

– Ладно, плыви, – после некоторого раздумья позволил голова и махнул рукой.

Ему тоже ответно помахали, и буер, больше не задерживаясь, весьма резво пошёл вверх по течению.

До Нарвы по реке было не меньше дюжины вёрст, и потому путь на вёслах для Егора показался особо долгим, а когда впереди наконец-то замаячили стены и башни, на обоих берегах совсем близко подходившие к реке, кормщик обрадовался. С левой стороны высились прямоугольные стены Ивангорода, защищённые десятком круглых башен, в то время как с правой раскинулись строения Нарвы. Их окружали укрепления, надёжно прикрывавшие городские дома с островерхими черепичными кровлями, над которыми были хорошо видны поднимавшиеся высоко вверх готические шпили соборов.

Буер подошёл к пристани, и Егору она, после суеты, царившей в борнхольмской гавани, показалась пустоватой.

Правда, сразу бросался в глаза расположившийся неподалеку лагерь русского войска, и, как выяснилось после недолгих расспросов, царские воеводы тоже были здесь, в городе. Поэтому, едва закончив неизбежные хлопоты, сопровождавшие прибытие, кормщик оставил своих людей и поспешил к дому коменданта. Поначалу стража не пускала кормщика, но, когда его расспросили, кто он и откуда, Егора беспрепятственно провели в палаты. Как оказалось, воевод было двое: земский, боярин Иван Яковлев, и опричный, окольный Василий Колычев.

Воеводам уже сообщили, кто их добивается, и потому, когда Егор вошёл, боярин Яковлев сначала окинул его взглядом, а затем, немного помолчав, сказал:

– Так вот ты каков, царёв кормщик...

Егор поклонился боярину, но промолчал: раз воеводы знают, кто он, говорить нечего; да к тому же кормщик сразу заметил: до его прихода, судя по всему, боярин и окольный что-то жарко обсуждали. Однако молчать особо долго не пришлось, так как опричный воевода спросил:

– Скажи, царёв кормщик, а сколь у того морского атамана кораблей?

Егор подумал и ответил как есть:

– Из Аренсбурга капитан Роде с одним вышел, за месяц взял ещё дюжину, а теперь у него поболее тридцати.

Воеводы удивлённо переглянулись, и боярин Яковлев недоверчиво протянул:

– Это ж откуда столько-то?..

Его поддержал и окольный, с усмешкой заметив:

– А чего, как говорят, он государю нашему только один корабль прислал?

– Мне то неведомо, – Егор и правда не знал этого, но, несколько задетый недоверием, стал убеждать: – Я сам был при том, как капитан Роде из пяти встреченных кораблей сразу четыре захватил. Потом случилось, что он целый караван из семнадцати судов, который из Гданьска шёл, углядел и все семнадцать взял.

– И что... ничего? – теперь уже оба воеводы, не веря в такое, закачали головами.

– Почему ничего... – пожал плечами Егор. – В самом Гданьске оттого большой шум вышел. Совет Гданьска военную флотилию на Борнхольм отправил, капитана Роде ловить.

– И, видать, поймали, раз ты здесь? – воеводы выжидающе глянули на Егора.

– Не, – отрицательно мотнул головой кормщик. – Мы в островном заливе укрылись.

– А флотилия что, так и ушла? – всё ещё не веря кормщику, спросил окольный.

– Куда... – вспомнив, как всё было, Егор не сдержался и хмыкнул: – Датский наместник, он на Борнхольме главный, полякам навстречу со своим флотом вышел и сказал, что нас в гавани Рённе нет. А потом предложил их в Копенгаген со-

проводить.

– Так Сигизмунд и Фредерик вроде не воюют, – удивился боярин.

– Король Сигизмунд шведам союзник, а король Фредерик воюет с ними. Вот через то, как поляки в Копенгаген зашли, им пушками пригрозили и в плен взяли, – усмехнулся кормщик и заключил: – Капитан Роде, чтоб его поляки увидели, тоже в Копенгаген зашёл.

– Дела... – воеводы многозначительно переглянулись, и боярин спросил:

– Ну, ежели у вас всё так ладно, чего ты здесь?

– Может, и ладно. – Егор вспомнил, как в последний раз заходил в харчевню «Под окороком», и сказал: – Только мне передать велено, что король Дании Фредерик сильно капитаном Роде недоволен и вроде как на шведскую сторону склоняться начал.

– Почему? – враз насторожились воеводы.

– Капитан Роде про свои обещания забывать начал, не столько на польские и шведские корабли нападает, сколько мирных купцов, даже датских, грабит. У нашего государя людей и пушек просит, а сам королю Фредерику досаждаёт... – принялся было растолковывать воеводам кормщик, однако вдруг оборвал себя на полуслове и замолчал.

Было ясно: кормщик доставил важные вести. Егору Кольцо и в самом деле было поручено предупредить Ивана Грозного, что король Фредерик вроде как собрался мириться со

шведами, но говорить воеводам об этом не стоило, и потому кормщик только осторожно спросил у боярина:

– Государь наш как, сюда прибыть должен али нет?

– Государь в Новгороде, поспешай туда, – твёрдо, по-приказному ответил воевода и, обождав, пока кормщик с поклоном вышел, обернулся к Колычеву: – Ну, что скажешь, окольниковый?

– Скажу, зря ты меня лаешь за то, что мои люди мызы в округе разоряют, – похоже, продолжая прерванный спор, насутился опричник. – А ну как царёв кормщик правду сказал, и поляки, договорившись со шведами, обще против государя войну затеют, ливонцы эти нам сильно помогут?

Не возразив окольниковому и по сути соглашаясь с ним, боярин заговорил о другом:

– Пожалуй, не мешало б войска нашего поболее собрать в Ливонии, тогда, может, шведы с датчанами поостерегутся, да и с поляками договориться полегче будет.

Запустив пальцы в коротко подстриженную бороду, Колычев какое-то время молчал, а потом неожиданно заговорил о татарах:

– Я вот думаю: шведы с поляками да ещё Магнус с Фредериком – они, конечно, все здесь, а хан крымский, Девлет-Гирей, он там, на юге, и, как ты сам знаешь, боярин, только и ждёт, чтоб в набег пойти. Может, и надежду имеет, что государь все войска с украинной линии заберёт.

– Да, ты прав, окольниковый, с двух сторон сразу воевать

неспособно, – со вздохом ответил земский воевода, и они понимающе с опричником переглянулись...

Часть вторая. На Москву

Глава 1

Дикое поле прямо-таки дышало опасностью, и каждый, кому доводилось оказываться там, прекрасно знал, что может или сгинуть бесследно, или, став пленником рыскавших по степи татар, очутиться в Кафе на невольничьем рынке, чтобы затем вообще угодить неведомо куда. И всё равно находились отчаянные сорвиголовы, которые порой даже в одиночку заезжали сюда, каждый раз дивясь обилию живности, разнотравью и богатству пропадавших втуне угодий.

Именно таким и был бесшабашный донской казак Тимошка Чуев, который сейчас, возвращаясь с литовского порубежья, ехал к себе в Епифань, а чтоб быстрее добраться к родному куреню, махнул напрямик через Дикое поле. Само собой, ехать на Дон было безопаснее вдоль Оки, где с давних пор была сделана засечная линия, но путь, выбранный Тимошкой, был вёрст на пятьдесят короче, да и в Придонье сама татарва шастать весьма опасалась.

Вот и ехал казак, не подгоняя притомившегося за дорогу коня да поглядывал по сторонам, думая свои неспешные думы. То и дело, едва не попав под копыта, с земли вспархивали перепела – живность покрупнее, загодя уходя в сто-

рону, пряталась в траве, но Тимошка заниматься охотой не собирался. Край был богатющий, и думал Тимошка про возможность вольготного житья, будь здесь укрепление вроде поставленного пару лет назад князем Мстиславским острога в Епифани.

Занятый собой Тимоха вроде бы не глазел по сторонам, однако, заметив в траве выжженную солнцем довольно большую проплешину, враз встрепенулся. Жизнь в приграничье заставляла быть осторожным, и проехавший было мимо Тимоха, поколебавшись, завернул коня обратно. Остановившись у проплешины, казак слез с седла и, отпустив коня на длинный повод, пощупал ладонью прокалённый зноем, отчего ставший каменно-твёрдым, грунт.

Потом, опустившись на четвереньки, приложил ухо к земле и стал напряжённо слушать. По первости Тимохе показалось, что всё тихо, но затем слух начал улавливать вроде бы шорох. Тогда казак поднялся, достал из перемётной сумы татарскую пиалу и, перевернув, положил на проплешину, а затем, прижавшись ухом к её донцу, снова стал слушать. Вот теперь подозрительный шум усилился, и его характер не оставлял ни малейшего сомнения: где-то там, вдалеке, шла конница.

Тимоха резко выпрямился, поспешно спрятал пиалу и, одним махом вскочив на коня, стал пристально вглядываться в плывущее марево. Казак знал, что где-то здесь совсем рядом

проходит сакма²⁰, а услышанный им далеко передающийся по земле звук мог означать только одно: по изведанному за годы шляху в очередной набег идёт конная татарва. Для верности Тимоха привстал сколь возможно выше на стремянах, ещё раз внимательно осмотрелся, но, пока так ничего и не увидев, чуть ли не с места погнал налётом в сторону засечной линии.

Скакать пришлось долго. Подуставший конь начал сбиваться с ноги, но Тимоха гнал и гнал до тех пор, пока впереди не блеснула водная гладь. На берегу казак было малость задержался, но, поняв, что искать брод некогда, махнул прямым. Запаренный конь охотно пошёл в воду, и Тимоха, держась за гриву, переплыл речку, а когда уже на другом берегу сунулся в лес, то сразу наткнулся на засечную линию. Косо срубленные, заострённые с одного конца брёвна тянулись в густых зарослях наклонным частоколом, одолеть который на коне было нельзя.

Обескураженный, Тимоха вернулся назад к реке и поехал берегом, прикидывая, как быть. Бросить коня он не мог, да и добираться пешим ходом – пустое дело. Оставалось одно: ехать к броду, где должен быть охраняемый стражей ход, но вот сколь много времени уйдёт на это, Тимоха, не знавший толком, где он, мог только гадать. Однако, проехав с версту, казак заметил уводившую в лес тропку. Без колебаний свер-

---

²⁰ Сакма – изначально след на земле, оставленный зверем или конницей. Позднее сакма означала всякую проторённую, испытанную, проверенную дорогу.

нув на неё, Тимоха снова добрался к засечной линии и удивлённо натянул повод.

В этом месте неприступный частокол был порушен. Больше того, подкопанные кем-то пяток брёвен плотно легли на землю, образовав что-то вроде мостика, по которому казак, ведя коня в поводу, без особого труда прошёл сквозь засечную линию. Позади неё оказалась сделанная кем-то рощица, а дальше – уже через малость прореженный лес, Тимоха легко выбрался к торному ходу и, зная, что именно по нему должна ездить засечная стража, снова пустил коня вскачь.

Правда, долго гнать по битой тропе не пришлось. Заметив быстро едущих к нему навстречу всадников и увидев, как пятеро вооружённых, по-боевому одетых в тегиляи²¹ дворян преградили дорогу, Тимоха резко осадил коня. Тогда дозорцы засечной линии, а это были именно они, уже не торопясь, однако весьма сторожко, подъехали ближе, и их старший громко спросил:

– Кто таков?

---

²¹ Тегиляй – самый простой и дешёвый доспех XVI века. Тегиляи не признавались полноценным доспехом в Московской Руси, являясь защитным снаряжением второго сорта. Согласно «Уложению о службе 1555–1556 года», одному из законодательных актов, изданных реформ Ивана Грозного, помещик обязан был выставить «тегиляйного» воина в том случае, если поместье или вотчина были больше 100, но меньше 200 четвертей. Исходя из информации из документов о поместной службе, в первую очередь Боярской книги 1555–1556 годов, тегиляи бывали трёх видов, исходя из их толщины, которая влияла на уровень их защитных качеств.

– Чуев... Казак... – сбивчиво ответил Тимоха.

– Вижу, что казак. – Старший оценивающе глянул на Тимоху и вдруг сердито рявкнул: – Ты как, приبلуда, на дозорный ход выбрался?

– Так через реку... – Тимоха показал себе за спину.

– Брешешь, пёс!.. Где?.. – Дозорцы все разом начали окружать казака.

– Так тут... – Тимоха полуобернулся в седле и вытянул руку.

– Показывай!.. – чуть ли не наезжая на Тимоху, зло выкрикнул старший.

Казак послушно развернул коня и зарысил обратно. Довольно скоро Тимоха в сопровождении дозорцев подъехал к проделанному меж брёвен лазу и заявил:

– Вот туточки я засеку перешёл...

Старший немедля спрыгнул с коня, отдал дворянину повод и принялся осматривать ход. Пройдя лаз до конца, он вернулся и, снова садясь в седло, косо посмотрел на Тимоху:

– Вроде не похоже, чтоб это ты дырку ладил. Вот только откуда знал, что она есть?

– Да не знал я, не знал!.. – загорячился Тимоха. – Я как учуял, что татарва сакмой идёт, враз к вам махнул! И через реку вплавь...

Едва услышав про татар, старший тут же вскинулся, хлестнул коня и гаркнув: «Все за мной!..» – первым вылетел на дозорную тропу.

Только теперь дозорцы поскакали не в ту сторону, куда поначалу ехал казак, а в другую, и, к вящему удивлению Тимохи, совсем скоро очутились на широкой поляне, посередине которой стоял шатёр, а бывшие здесь же десятка три спешившихся всадников рассёдлывали коней. Старший дозора тоже спешился, зашёл в шатёр и, почти сразу вернувшись, обратился к Тимохе:

– Повезло тебе, казак. Воевода князь Бельский только что подъехал. Иди давай...

Тимоха весь подобрался и, заходя в шатёр, сдёрнул шапку. Командир Большого полка князь Иван Бельский, бывший по-походному в полном доспехе, стоял чуть в стороне от входа, и какой-то дворянин расстёгивал ему плечевые ремни зеркала. Находившийся рядом с князем меньшей воевода разворачивал большой свиток, в который уже пытался заглянуть топтавшийся рядом, судя по висевшей на шее медной чернильнице, тоже бывший при сабле войсковой писарь.

Дождавшись, пока снимут броню, князь глянул на Тимоху.

– Ты, что ль, молодец, татарву видел?

– Не, не видел, – покачал головой Тимоха, – слышал.

– Как то? – не понял князь.

– Да как, приложил ухо к земле, и всего делов, – пожал плечами Тимоха. – Конский топот, почитай, вёрст за десять услышать можно...

– Значит так, услышал – и намётом сюда? – уточнил князь.

– Само так, – подтвердил Тимоха.

– А ну-ка, посмотрим, что тут... – и, вроде как забыв про казака, князь стал вглядываться в развёрнутый свиток, который держал перед ним младший воевода.

Углядев малость провисший краешек свитка, Тимоха понял, что военачальники изучают план засечной черты. Казачью догадку подтвердил князь, сказав:

– Выходит, Муравским шляхом в набег пошли...

– Точно. Не иначе на Сенькин брод ладят, – согласился с ним младший воевода.

После этого короткого обсуждения князь снова обратился к Тимохе:

– К нам сюда долго скакал?

– Да, почитай, солнце на полдуба спустилось, – прикинул Тимоха.

– Так это ж вёрст двадцать, а то и боле, – заметил младший воевода.

– Верно, – согласился князь и заключил. – Значит, не иначе завтра у нас...

– Как раз к Сенькиному броду выйти успеем, – предположил младший воевода.

– Оно так, – кивнул князь и испытующе посмотрел на Тимоху. – А тебя, казак, чего через Дикое поле понесло? Туда идти не каждый отважится.

– Я ж в Епифань вертаюсь, а напрямки быстрее, – ответил Тимоха.

– Так то князя Мстиславского владенья, – отчего-то обрадовался воевода и спросил: – Ты князя видел?

– Ну да, – подтвердил Тимоха, – он же там обустроивается...

– Князь Мстиславский здесь полком командует. К нему через Дикое поле ехать малое время требуется, ежели для него грамоту дам, рискнёшь передать? – Бельский испытующе глянул на казака.

– А чего ж не передать? – Тимоха залихватски тряхнул головой.

– Тогда ступай, погодь малость, а как дадут грамоту, скачи не мешкая. – И князь жестом отпустил казака.

Выйдя из шатра, Тимоха лицом к лицу столкнулся с всё тем же старшим дозорцев, который, увидав его, совсем по-дружески спросил:

– Ну ты как, куда теперь?

– В полк Мстиславского посылают, – усмехнулся Тимоха.

– Что, опять через Дикое поле? – улыбнулся старшой. – И не страшно?

– Да, знамо дело, есть маленько, – тряхнул головой Тимоха. – Только оно как волка бояться, в лес не ходить.

– Гляди, казак, татарва – это тебе похуже, чем волки, – посерьёзней старшой. – Сам же сказал, набегом идут.

– Ничего, пока они к Сенькиному броду выйдут, я проскочить успею, – бесшабашно отмахнулся Тимоха и только теперь рассмотрел на вроде бы простом тегиле старшого

ровные ряды заклёпок, крепившие изнутри железные пластины...

Глава 2

Беш-баш²² под командою Темира-мурзы как передовой отряд шёл впереди всего ханского войска, во все стороны высылая дозоры для полной разведки местности. Сам командир отряда, Темир-мурза-младший из знатного крымского рода Ламповджи, хотел бы занять пост поважнее, однако, поскольку был молод и пока ещё не набрался военного опыта, мирился с тем, что под началом у него всего лишь «пять голов», но втайне питал надежду выделиться, показав себя должным образом в этом набеге. А пока Темир-мурза ехал рядом с проводником, делая вид, что следит за сакмой, хотя на самом деле и понятия не имел, как можно находить правильную дорогу в этой казавшейся необъятной степи.

Татары были в движении с самого утра, что заставляло их молодого начальника подумывать, не пора ли уже сделать передышку, как вдруг впереди замаячил возвращающийся на рысях головной дозор, и Темир-мурза поднял руку, останавливая отряд. Дозорные подскакали, и их старший, опытный, побывавший не в одном набеге татарин Едигей сообщил:

– Подходим... Река близко...

Темир-мурза зло глянул на ничего не сказавшего проводника, но, вовремя поняв, что и сам должен был всё видеть, прикусил язык. Едигей же, бывший вдвое старше Те-

---

²² Пять голов, небольшой отряд.

мира-мурзы, держал себя почтительно. Вот и сейчас он не стал учить неопытного мурзу, а выразился иначе:

– Может, пора узнать, что за рекой?

– За реку не надо. – Темир-мурза как-то не уяснил, о чём ему толкует Едигей.

– Хоп. За реку не надо. – Едигей наклонил голову. – Посмотрим с берега.

Вот теперь Темир-мурза сообразил, о чём речь, и, сделав вид, что подумал, кивнул:

– Надо всё хорошо высмотреть...

– Всё сделаем, – с готовностью подтвердил Едигей и, обернувшись к одному из бывших при нём татар, властно распорядился: – Якуб, отбери лазутчиков, пусть пешими пробегутся на берег и посмотрят, сколько урусов возле брода.

Прикидывая, как быть дальше, Темир-мурза стал задумчиво смотреть в сторону, и многоопытный Едигей тут же осторожно высказался:

– Это верно, урусы могут спрятаться там, в степи, чтоб ударить нам в спину при переправе. Если будет позволено, я со своим дозором пройду дальше от брода и проверю, нет ли там засады.

Ни о чём таком Темир-мурза не догадывался, но у него хватило ума понять, что так будет правильно, и он, снова поразмыслив для вида, напутствовал Едигея:

– Заметишь урусов, постарайся узнать, много ли их, – и, провожая взглядом отъезжавших дозорцев, Темир-мурза по-

думал, что если засада где-то там есть, можно отличиться, первым напав на неё.

Тем временем татарин Якуб, такой же бывалый, как и Едигей, отобрал лазутчиков и не мешкая поспешил с ними к броду, а Темир-мурза, остановив отряд на короткий отдых, мыслями вернулся к Едигею, гадая, высмотрит ли тот урусов. Сам же Едигей, совсем не предполагая, чего хотел бы Темир-мурза, прикинул, где вероятнее всего может укрыться засада, и наказал бывшим при нём дозорцам смотреть в оба. Чтоб казаться незаметнее, татары Едигея растянулись редкой цепочкой и помалу уклонились уже совсем в сторону от брода, когда один из дозорцев начал призывно махать руками.

По этому сигналу татарская цепочка стремительно сжалась, и подскакавшему Едигею звавший всех к себе татарин указал на маячившую впереди фигуру карьером уходившего от них всадника.

– Гонец!.. Гонец урусов!

Больше Едигею объяснять ничего не требовалось. Урус уходил в сторону от засечной линии и не иначе как совсем недавно переехал брод.

– Схватить!.. – гаркнул Едигей, и началась погоня.

Татары, шедшие одвуконь, перескочили на заводных лошадей и понеслись вскачь.

Судя по всему, конь уруса был неплох, но, видимо, ещё раньше подустал и теперь начал сдавать, так что татары не

очень быстро, но всё-таки помалу догоняли убежавшего от них гонца. Правда, какое-то время Едигею стало казаться, что урус сможет уйти, но тут его конь, наверняка не выдержав бешеной скачки, грянулся оземь, а сам всадник, вылетев из седла, кубарем покатился в траву.

С радостным воплем татары понеслись ещё быстрее, и, когда Едигей догнал их, туго стянутый волосяным арканом урус, свирепо зыркая по сторонам, уже стоял на коленях. Как только Едигей остановился рядом, один из спешившихся татар с размаху стеганул пленника нагайкой.

– Гавари, сабака, куда едишь?

Однако затравленно озиравшийся урус молчал, и тогда татарин достал нож:

– Сичас из спина ремни резать будим, всё скажешь...

Не слезавший с седла Едигей вспомнил про Темира-мурзу и прикрикнул:

– Пока не трогать! В стан сволочём...

Татары, не желая бросать попавшее к ним в руки добро, спешно сняли с павшей лошади сбрую, седло, а когда Едигей увидел перемётные сумы, то тут же вмешался:

– Давай сюда! Это моя доля, – и, забрав себе часть добычи, Едигей тронул коня.

Татары потянулись следом, за одним из них на длинном аркане, привязанном к седлу, бежал пленник.

В то же время, пока лазутчики Якуба и дозорцы Едигея были у брода или где-то в степи, остававшийся на месте и

спешившийся Темир-мурза изнывал от нетерпения. Молодой начальник жаждал действия, ему хотелось немедля схватиться с урусами, а тут приходилось чего-то ждать, и потому, едва вернувшийся первым Якуб подъехал, Темир-мурза нетерпеливо спросил:

– Войско урусов видел?

– Да. Их много. Дорогу через брод закрывают, – сообщил Якуб, слезая с седла.

Темир-мурза задумался. Будь урусов мало, он со своим беш-башем сразу полез бы через реку, но здесь уже была вся орда, и, что делать дальше, решать не ему. Сейчас он должен был сообщить о войске урусов, и Темир-мурза велел подавать коня. Коня подвели. Но бывшие кругом татары вдруг враз загомонили, и, повернувшись Темир-мурза увидел возвращавшийся на рысях дальний дозор.

Разглядев, что люди Едигея волокут на аркане бранника, Темир-мурза страшно обрадовался. Одно дело – говорить о том, кто что видел, и совсем другое – сообщать сведения из первых уст. Поэтому, едва неизвестно откуда взявшегося пленного подтащили ближе, Темир-мурза, не сдержавшись, гаркнул:

– Ты кто?! – и впился взглядом в уруса.

Бежавший всю дорогу вслед за конём пленник как-то выпрямился на дрожащих ногах и, с трудом переведя дух, ответил:

– Казак я... Чуев Тимоха... В свой курень ехал... – а

затем, с промелькнувшей в глазах надеждой, посмотрел на важного татарина.

– За рекой войска много? – быстро спросил Темир-мурза.

– Не знаю... – Тимоха опустил голову.

– Сейчас узнаем, – махнув рукой, зло сверкнул глазами Темир-мурза.

По этому знаку татары гурьбой навалились на казака, сорвали с него кафтан, сорочку и сыромятным ремнём завязали спереди руки, оставив спину голой. Едигей же, выдавший всякое, стал рыться в доставшихся ему перемётных сумах. Почти сразу найдя свёрнутую трубкой грамоту, татарин поспешно передал её Темиру-мурзе и, вроде как давая совет, заметил:

– Похоже, урус важный... Может, с ним говорить захотят...

Темир-мурза тут же развернул грамоту и, едва прочитав первую строчку, глянул на пленника, которому бритоголовый татарин, в кровь царапая ногтями лицо, орал:

– Гавари, сабак, глаза вырву!..

Темир-мурза, поняв, что рано отдал пленника на расправу, прикрикнул:

– Хватит!.. Он мне живой нужен! – а затем вскочил в седло и, не выпуская из рук грамоты, поскакал к расположившемуся неподалеку ордынскому стану.

В походном, только что поставленном шатре хан Девлет-Гирей, отдыхая после дня пути, возлежал на ковровых по-

душках и смотрел на уже курившийся перед ним кальян. Его главный советник и лучший военачальник Дивей-мурза, разминая ноги, наоборот, неспешно ходил по шатру, а когда увидел входившего Темира-мурзу, сразу спросил:

– Что там у брода?

– Там войско урусов, – сообщил Темир-мурза и подал грамоту. – Вот ещё мои люди гонца перехватили.

– Ну-ка давай посмотрим... – Дивей-мурза взял грамоту, развернул, внимательно прочитал и повернулся к собравшемуся курить хану. – Хорошо складывается. Тут воевода урусов пишет, что его полк ждёт нас у Сенькина брода.

– Значит, нам надо подумать, как обойти Серпухов с другой стороны, – спокойно, как об уже решённом, сказал хан и, взяв мундштук кальяна, с наслаждением затянулся.

Дивей-мурза согласно наклонил голову и снова обратился к Темир-мурзе:

– Твой пленник ещё жив?

– Так. – Темир-мурза энергично кивнул. – Я приказал не трогать.

– Ты правильно сделал, – похвалил молодого мурзу советник хана и, немного подумав, решил: – Сейчас мы поедем и хорошенько его расспросим, а потом обсудим, как ты со своим отрядом будешь дразнить князя урусов, чтоб он считал, будто мы собираемся идти через Сенькин брод.

Вернувшись в свой стан, Темир-мурза сразу провёл Дивей-мурзу к пленнику. Урус, которого стерёг бритоголовый

татарин, сидел на земле, опустив голову на туго связанные руки. Оценив вид пленника, Дивей-мурза покачал головой:

– Да, не больно-то он достойный... Но раз мы идём в обход через другой брод, важно выведать всё... Где будем спрашивать, здесь?

– Нет, там. – И Темир-мурза показал на полыхавший чуть в стороне большой костёр, вокруг которого уже сидели татары, лакомясь битым под седлом мясом.

Пока Темир-мурза усаживал гостя перед расчищенной возле костра площадкой, оттуда, где сидел пленник, послышался какой-то шум. Похоже, там всполошились лошади, и Темир-мурза махнул Едигею. Старый татарин сорвался с места и, когда отбежал от костра, заметил, что пленника нет, а бритоголовый страж, стоя на коленях, держится двумя руками за голову и бессмысленно тянет:

– В-а-а... В-а-а...

Мгновенно подскочив к татарину, Едигей ухватил его за шиворот:

– Где урус?

– Сбежал шайтан, сбежал... – пробормотал страж и опять затаянул – В-а-а...

– А ты куда смотрел, баранья голова?! – в бессильной ярости вскричал Едигей и принялся иступлённо хлестать нагайкой бритоголового...

Глава 3

Было раннее утро, и Дикое поле затихло. Ночная живность укрылась на своих лежбищах, а дневная ещё сидела по норам и гнёздам. Над рекой стлался туман, через разрывы в котором то там, то там проглядывал росший на другой стороне лес, и уже слышалось, как начинала плескаться рыба. Тимоха, спустившись к самой воде, смочил подсохшие за ночь, но продолжавшие болеть синяки и ссадины. Потом зашёл по пояс и, стянув за собой коня, поплыл вместе с ним к другому берегу.

Всю ночь бедолашный казак скакал в сторону порубежья, благо небо вызвездило и он хорошо знал, куда ехать. Правда, каждый раз, вспоминая зловещие отблески того костра, Тимоха благодарил Бога за то, что успел перегрызть сыромятный очкур, стягивавший руки. Когда же бритоголовый татарин подошёл к нему, чтобы тянуть на расправу, казак что было сил треснул его по башке и метнулся в сторону.

И вот тут-то Тимохе несказанно повезло. Наткнувшись на отпущенную пастись неосёдланную лошадь, он, вырвав прикол, одним махом вскочил на неё и помчался куда глаза глядят. Всполошившись, другие бывшие поблизости лошади стали метаться, ржать, и этот шум, спасая Тимоху, скрыл от татар, куда поскакал беглец, дав казаку время затеряться в ночной темени.

Одолев реку, Тимоха выбрался из воды и сразу почувствовал упадок сил. Ему вдруг показалось, что опасности больше нет, татары его не догнали, и главное теперь – только как-то обойти мешавшую добраться к своим засечную линию. Тимоха с трудом влез на лошадь и, поклёвывая носом от внезапно навалившейся усталости, медленно затрусил вдоль берега.

Видимо, казак малость вздремнул на ходу, потому как, сколько времени он так ехал, сообразить не мог, зато опушка ему почему-то показалась знакомой. Тимоха встряхнул головой, толком осмотрелся и радостно присвистнул. Вышло, что он оказался там же, где переплывал реку, чтобы сообщить о татарах, объявившихся на сакме. Больше того, Тимоха вскорости углядел тот самый поворот к засеке и не колеблясь свернул на малоприметную тропу.

Подъезжая к засеке, Тимоха было испугался, что дыру заделали, но всё обошлось, и казак, кое-как слезши с лошади, повёл её по лежавшим на земле брёвнам. Однако, едва миновав лаз, Тимоха ступил с брёвен на землю, как страшный удар по загривку сбил его с ног. Ничего такого не ожидавший казак попробовал приподняться, но на него с двух сторон обрушился град ударов. Тимоху били ногами, кулаками, а когда он, уже до того измордованный татарами, мог лишь дышать захлёб, кто-то, ухватив за волосы, задрал ему голову вверх и рявкнул прямо в лицо:

– Ну что, попался, лазутчик?..

– Я... ка-а-зак... – через силу, едва шевеля разбитыми губами, сказал Тимоха, и тогда кто-то рядом, ему невидимый, с издёвкой произнёс:

– Мокрый. Полуголый и конь неосёдланный. Как есть татарская морда...

– Я не татарин... Я казак... – косноязычно стал убеждать Тимоха.

– Чё он там лопочет?.. Какой ещё казак? – послышался всё тот же голос, и кто-то основательно потряхнул Тимоху за волосы.

– А ну говори, нехристь, зачем через лаз лез?

– Да какой же я нехристь? – взмолился Тимоха. – Я князем посланный...

– Ты что несёшь, басурманин?.. Каким ещё князем?

– Князем Бельским... Воевода который... – С трудом разлепив заплывший от удара глаз, Тимоха упёрся взглядом в ряд тянувшихся по тегиялю заклёпок и, немного приподняв голову, узнал того самого, водившего его к князю, старшего дозорца.

– Так это ты-ы-ы... – и Тимоха непослушным пальцем тронул кованую заклёпку.

– Ты что, меня знаешь?.. Откуда? – в голосе дозорца послышалось удивление.

– Так я ж... тебе... этот лаз... показал, – сплёвывая кровью, проговорил Тимоха.

– Чего?.. – Дворянин долго вглядывался в избитого Тимо-

ху, а потом сожалеюще покачал головой. – Ты смотри, вроде верно... А по виду как есть татарин...

– Так меня... нехристи сцапали... в полоне я был... – через силу сказал Тимоха.

– А как же ты сбёг? – удивился старшой.

– Так они ж меня... к себе в стан приволокли... А там какой-то ихний... большой мурза... на меня смотреть приходил... Вот пока они с ним, я и...

– С чего это вдруг? – подозрительно воззрился на Тимоху старший дозорец.

– Видать, решил... что я – важная птица... А как этот мурза... к костру пошёл... вся татарва за ним... Ну я – караульного по башке и ходу... Опять же кони рядом паслись...

– Понятно... – протянул старшой и, поддержав плохо стоявшего на ногах Тимоху, спросил: – Татар много в ихнем стане видел?

– Туча... Почитай, вся Орда... в набег пошла... Как я разумею... хан тоже с ними...

– Да ты что? – изумился старшой. – А мы тут у лаза татарских подсылов ждём...

Старший дозорцев был явно растерян, и тогда Тимоха подсказал ему, что делать:

– Ты... Вези меня к князю... Я там важное слышал...

Когда оставившие лаз дозорные привезли едва державшегося верхом Тимоху к князьему стану, войсковой лагерь только просыпался. На широкой поляне, где посередине сто-

ял княжий шатёр, от дотлевающих ночных костров тянуло дымком, призывно ржали лошади, местами порой вспыхивали короткие перебранки, и в то же время ещё много ратных людей попросту дрыхли под кое-как устроенными навесами, завернувшись кто в епанчу, кто в попону.

Старшой помог Тимохе слезть с коня, а потом не чинясь заглянул в шатёр:

– Дозволь, князь...

Несмотря на столь раннее время, уже облачённый в полный доспех князь, стоя спиной к входу, что-то вполголоса обсуждал с бывшим здесь же, в шатре, младшим воеводой. Услыхав просьбу, он, не оборачиваясь, сердито кинул:

– Кому не терпится?

– Степан сын Чикин, караулил у засеки, я прямо оттуда, – начал старший дозорцев, и князь мгновенно крутнулся на месте:

– Что там?

– Татарский пленник прибёг. Говорит, у него что-то важное...

– Давай сюда! – приказал князь, и Чикин тут же втянул в шатёр бедолагу.

Казак, которого перестали поддерживать, сделал шаг-другой и рухнул на землю.

Уставившись на безуспешно пытавшегося встать Тимоху, князь пробормотал:

– Господи, да он же слова сказать не может... – а потом

крикнул: – Лекаря!

Лекарь, как раз случившийся поблизости, пришёл быстро и, едва увидев избитого, лежавшего пластом человека, распорядился:

– Воды!.. Живо!..

Полную конскую цыбарку тотчас приволокли, и лекарь, раскрыв свой сундучок со снадобьями, принялся колдовать. Первым делом, смочив чистую тряпицу, он смыл с лица Тимохи кровь, прилепил к его ранам с помощью мази сушёные травки, а затем, проверив, не упустил ли чего, дал страждущему что-то выпить из склянки и торжественно объявил:

– Спиритус вини... Аква вита...²³ Враз очухается...

Видимо, лекарь знал своё дело, потому что Тимоха, ощутив, как по нутру растекается тепло, и впрямь взбодрился. Чикин тут же помог ему встать на ноги, и тогда Тимоха, уже вполне осмысленно глядя на князя, внятно произнёс:

– Не казните меня... Пропала грамота... И я было пропал...

Едва Тимоха упомянул грамоту, князь шагнул ближе. Вгляделся в облепленное травками лицо и, узнав гонца, покачал головой:

– Выходит, это ты пленник... – а затем, немного подумав, спросил: – Как же ты, казак, к татарам в полон угодил? Ты ж вроде говорил, прямиком поскачешь, а сам?..

– Я далеко в сторону взял... откуда мне знать... с чего это

---

²³ Винный спирт. Вода жизни.

татарва там была. Опять же они одвуконь в набег ходят, а мой конь пал... – сокрушённо вздохнул Тимоха.

– Значит, моя грамота у них? – заключил князь.

– У них, – Тимоха горестно свесил голову, – сам видел, как татарин из перемётной сумы достал, а потом ихний мурза грамоту развернул и читать начал...

– Худо дело... – насупился князь и строго взглянул на понурившегося Тимоху. – Так ты про это сказать хотел?

– Нет, княже... Я там прознал, что в набег вся Орда вместе с ханом вкруговую через другой брод идти намерилась. Сам слышал, как их главный мурза про то говорил...

– Вкруговую, говоришь?.. Через другой брод? – настороженно переспросил князь.

– Да, тот мурза так и сказал, – подтвердил Тимоха.

– Ладно, ступайте. А ты проследи, чтоб этот оклемался, – наказал лекарю князь и резко повернулся к стоявшему молча младшему воеводе: – Что скажешь?

Дождавшись, пока все выйдут из шатра, младший воевода всё так же молча развернул план. Какое-то время оба воеводы изучали его, а затем понимающе глянули друг на друга.

– У деревни Дракино годный брод есть... Видать, там переходить будут, – предположил младший воевода.

– Пожалуй... – согласился с ним князь и вздохнул: – Если уже не переходят...

Воеводы переглянулись, и, немного подумав, князь начал рассуждать вслух:

– Опять же нам к броду так и так не поспеть. Да ещё, ежели наш казак с перепугу не наврал, там вся Орда вместе с ханом. Значит, решить надо, куда это татарва идти намерилась?.. На Серпухов?

Князь вопросительно посмотрел на младшего воеводу, однако тот отрицательно покачал головой:

– На кой ляд им это? Серпухов – твердыня знатная. Без наряда²⁴ даже не суйся. Они что, тут, на Оке, сидеть собираются?

– Да нет... – князь сердито хмыкнул и показал на плане шлях, который, обходя Серпухов, выводил прямо к Москве: – Вот так хан пойдёт.

– Князь... – Младший воевода внезапно насторожился. – Никак во весь опор гонят...

Бельский прислушался. И верно: издалека поначалу слабо, но затем всё явственнее стал доноситься нарастающий конский топот. Наконец бешеный стук копыт оборвался у самого шатра, и внутрь ворвался дворянин, который с ходу выкрикнул:

– Князь, татарва в верховья пошла!

– Кто таков? – Большой воевода нахмурился.

– Опричный голова Попадейкин, – дворянин наконец-то перевёл дух и уже вполне внятно пояснил: – Наши лазутчики с Дикого поля только-только примчались. Говорят, Орда ещё до свету снялась и поперёк Муравского шляха пошла.

---

²⁴ Осадные пушки.

Воеводы встревоженно переглянулись, и Бельский вздохнул:

– Ордынцы на ходу легки, нам им дороги никак не заступить... А ну как они на Козельск наладились, чтоб там войну распустить²⁵...

– Ежели одвуконь, то можно, – неожиданно вмешался опричный голова.

– А ты сам берёшься? – Бельский в упор посмотрел на опричника.

– Берусь, – твёрдо ответил Попадейкин.

– Ежели ордынцев на прямую дорогу завернуть выйдет, то к Москве у них хода нет, поскольку у нас полки берегом и за рекой в две линии стоят, – принялся втолковывать Бельский.

– Сделаю! – заверил опричник. – Токмо людей добрых надобно, чтоб над крымчаками поиск чинить. Опять же подсыла хорошего найти требуется...

– Будут добрые, – пообещал Большой воевода и, стремительно выйдя из шатра, махнул томившемуся неподалеку трубачу:

– Труби!.. Все на конь!..

Трубач встрепенулся, тут же вскинул трубу, и над поляной разнёсся, поднимая всех на ноги, громкий сигнал общей тревоги...

---

²⁵ Начать грабёж.

Глава 4

Большой воевода князь Иван Бельский ошибся: Орда не пошла через брод у деревни Дракино, а, по хитроумной задумке Дивея-мурзы, оставив у реки показной отряд, взяла много дальше, чтобы, воспользовавшись бродом Быстрым и Пафнутцевым шляхом, идти на Козельск. Такое начало сулило успех, и потому, сделав лишь один переход, татары, не доходя Болхова, устроили днёвку на Злынском поле. Надо было решить, как действовать дальше, и сейчас, удобно расположившись в своём летнем полотняном шатре, хорошо отдохнувший за ночь Девлет-Гирей размышлял.

Ещё весной, задумав предпринять большой поход на Русь, он выставил из Бахчисарая пребывавшего там посла урусов и отозвал из Москвы своего человека, не заводя даже речи об их возвращении. Правда, позже, уже перед самым выходом войска из Крыма, хан стал было колебаться, но когда он собрал на Альме военный совет, мятежные казанские люди вкуче со своими крымскими сторонниками потребовали выступать. Вдобавок хотел войны и султан Селим. Также заодно с недавно взятыми под царскую руку черкесскими князьями рвались в набег ногайские мурзы, и, опасаясь потерять лицо, Девлет-Гирей решился.

Размышления Девлет-Гирея прервало появление Дивея-мурзы. Следом за ним пришли два ханских сына, на-

чальник головного отряда ногаец Теребердей-мурза, а затем Ширин-бей и Седжеут-бей. Входя в шатёр, все они первым делом приветствовали Девлет-Гирея и только потом садились по чину: сыновья хана – рядом с отцом, а Теребердей-мурза с обоими беями – напротив. Какое-то время в шатре царило молчание, но потом хан кивнул усевшемуся немного сбоку советнику, и тот сказал:

– Мы собрались, чтобы обсудить, куда идти дальше. – Дивей-мурза умолк и, только окинув всех взглядом, продолжил: – У нас есть выбор, Орда может идти на Москву, но может и на Козельск.

– Только на Козельск, – перебил советника Ширин-бей. – Там нет царского войска.

– И там можно распустить войну, – немедленно поддержал его Седжеут-бей.

– Однако сильное войско урусов ещё стоит на Оке... – заметил Теребердей-мурза. – Московиты ни за что не дадут вам провести ясырь.

Бей переглянулись между собой – похоже, они об этом не думали.

– Надо заставить их оттуда уйти, – заявил старший сын хана Магмет-Гирей.

– Как? – сразу же спросил его младший брат Али-Гирей. Девлет-Гирей посмотрел на Дивей-мурзу, и советник хана сказал:

– Как только воевода урусов узнает, где мы, он начнёт от-

ходить к Москве. Его полки растянутся, и можно будет бить москвитов поочерёдно.

– А ежели выйдет иначе?.. Как заставить его пойти? – спросил Девлет-хан.

– Можно... Только поначалу надо ударить малыми силами, пусть считают, что мы у реки их разбить хотим, – немного подумав, ответил Дивей-мурза.

– Кто пойдёт? – Хан пытливым взглядом окинул собравшихся.

Всем стало ясно, что Девлет-Гирей принял предложение советника, но также было понятно: выманить воеводу урусов малым отрядом – дело опасное, и вызваться пока никто не решался. Глянув на Дивея-мурзу, хан едва заметно кивнул, и советник, поняв, что решать ему, сказал:

– Пойдёт Теребердей-мурза.

Услыхав приказ, Теребердей-мурза мигом вскочил, приложил ладонь к груди и поклонился:

– Будет исполнено!

Дивей-мурза немного выждал и, поскольку Теребердей-мурза оставался спокойным, уточнил:

– С собой возьмёшь пять сотен. Если воевода урусов уже идёт к Москве, нападать нужды нет – пришлёшь гонца и возвращайся. Выступай немедленно.

Теребердей-мурза молча выслушал советника и, поклонившись ещё раз, вышел.

Чтобы поднять выделенный отряд, много времени не понадобилось, и уже вскоре Теребердей-мурза, выслав головной дозор, рысил впереди, обдумывая, как заставить урусов гнаться за ним. Правда, пока ничего путного в голову не приходило, и было ясно, что урусов сначала надо выследить. За такими раздумьями отряд успел одолеть вёрст двадцать, как вдруг Теребердей-мурза увидел, что к нему во весь опор несётся один из дозорных. Подскакав почти вплотную, татарин выкрикнул:

– Там московиты!

– Где? – не ожидавший столь быстрой встречи Теребердей-мурза резко осадил коня.

– Сразу за лесом, – татарин показал на перелески, с двух сторон окружавшие шлях.

– Они что, нам навстречу дорогой идут? – Теребердей-мурза попытался высмотреть, что там, впереди, но дорога делала поворот, и дальше ничего не было видно.

Татарин, сразу догадавшись, что беспокоит мурзу, пояснил:

– Там место открытое...

Ничего больше не спрашивая, Теребердей-мурза хлестнул коня и вскачь помчался к повороту, за которым, как оказалось, сплошной лес обрывался. Здесь уже были все посланные в дозор татары, и, едва подскакав к ним, Теребердей-мурза выкрикнул:

– Урусов много?

Татары враз загалдели, но толком ничего пояснить не могли. Однако Теребердей-мурза понял главное: войско московитов выходит на открытое место, и лучше всего ошеломить урусов внезапным ударом. Пока Теребердей-мурза слушал дозорных, сюда подтянулся шедший рысью отряд, и, не останавливая его, начальник взмахом сабли указал, в каком направлении разворачиваться. Когда же примерно половина отряда пронеслась мимо остававшегося на месте Теребердея-мурзы, он новым взмахом сабли задержал движение, а затем послал остальных вбок от дороги, где они могли укрыться за выходящим в поле язычком леса.

Выждав, пока оставленные скроются, Теребердей-мурза в сопровождении бывшего при нём десятка татар поскакал к открывавшемуся за лесом полю, где, судя по доносившемуся оттуда шуму, его всадники уже сцепились с урусами. Помчавшись вдогон за ушедшей вперёд частью отряда, Теребердей-мурза вскоре увидел, что внезапно налетевшие татары заметно теснят урусов. Однако он заметил и то, что от дальней опушки на помощь своим несутся московиты. Сколько их ещё вот-вот может оказаться на поле, Теребердей-мурза не знал и, посчитав свою задачу выполненной, принялся, размахивая саблей, кричать:

– Отходить!.. Отходить!!

Этот выкрик начальника был многократно повторен, и татары порскнули в разные стороны, оставив московитов гадать, куда именно скрылся противник. Сам Теребердей-мур-

за тоже поскакал прочь от поля, придержав коня лишь возле того языка леса, где укрывалась отправленная им туда засада. Вскоре побывавшие в схватке и рассеявшиеся было татары поодиночке или группами начали собираться у леса, и одна из таких групп приволокла захваченного ими бранника. Было видно, что он, весь залитый кровью, едва держится на ногах, и Теребердей-мурза, подъехав ближе, крикнул в лицо москвиту:

– Где ваше войско?

– Большой воевода подходит... Конец вам, басурмане... – из последних сил отвечал тот и, захрипев, повалился на землю.

Это было именно то, что хотел знать Теребердей-мурза. Теперь стало ясно, в каком направлении движется войско урусов, и главным было не ждать уцелевших с поля, а как можно скорее вернуться обратно. Теребердей-мурза собрался уже уводить отряд, как вдруг к лесу подъехала ещё одна группа татар, которая сразу обратила на себя внимание, так как там были двое урусов, причём они оставались в доспехах и при оружии, а значит, никоим образом не могли быть бранниками. Решив, что это, вероятнее всего, гонцы от москвитов, Теребердей-мурза дождался, когда они подъедут ближе, и крикнул:

– Кто такие?

К его удивлению татары, бывшие с москвитами, вразнобой принялись выкрикивать:

– Перебежчики!.. Это перебежчики!.. Они к нам сами перебежали!..

Теребердей-мурза удивился и, остановив их взмахом руки, приказал:

– Говорите, кто вы?

Оба москвиты враз осадили коней и, перебивая друг друга заявили:

– Сын боярский Сумароков!.. Дворянин Кудеяр Тишенков!.. Мы из отряда воеводы Волынского!.. Хотим великому хану служить!..

– А чего вдруг перебегать вздумали? – заподозрил неладное Теребердей-мурза.

– Так царь наших родичей исказнил!.. Мы ему боле служить не желаем!.. Мы с ханом вашим на Москву идти согласные!.. – всё так же вразнобой принялись уверять перебежчики.

Дольше оставаться у леса смысла не было, и Теребердей-мурза, наказав, чтоб оба перебежчика под охраной татар следовали за ним, напрямик поскакал через поле на ту самую дорогу, по которой он вёл своих всадников сюда.

Вблизи торного шляха никаких москвитов замечено не было. Тогда татары, выслав гонцов к хану, немного задержались, поджидая отставших, а затем уже без каких-либо остановок поскакали назад, всё глубже втягиваясь в места становившийся непроезжим лес.

На Злынское поле Теребердей-мурза привёл свой сильно поредевший отряд уже где-то перед вечером. Татарский стан был взбудоражен, поскольку весть о подходе урусов сюда дошла. Даже сам Девлет-хан, несмотря на свою тучность, сидел верхом и явно собирался куда-то отъехать, но пока, оставаясь возле своего шатра, слушал, что ему говорил тоже бывший в седле Дивей-мурза. Увидев спешившего к ним Теребердей-мурзу, советник умолк, а хан первым делом спросил:

– Московитов много?

– Не знаю. – Теребердей-мурза немного подумал. – Пленный говорил, сам большой воевода урусов ведёт всё своё войско.

– Значит, он ушёл от засечной линии, а это то, что нам надо, – заключил Дивей-мурза.

Тем временем к ханскому шатру подвели двух спешенных московитов, и Девлет-Гирей, заметив, что с урусов не сняли доспехи, удивлённо посмотрел на них, а советник хана быстро спросил:

– Это кто, пленные?

– Нет, они перебежчики, – ответил Теребердей-мурза и, указав на каждого пальцем, пояснил: – То дворяне московские Сумароков да Тишенков Кудеяр. Желают служить нам. Говорят, царь их избидел.

– Ко мне, значит, пришли... – Девлет-Гирей чуть наклонился, чтобы лучше рассмотреть перебежчиков, и покачал головой. – Ну, скажите тогда, какие дороги царское войско

перекрыло?

– И не перекрыло вовсе! – Сумароков шагнул вперёд. – Путь на Москву чист, оттого, что цареву войско в немцы ушло, а в городах воевод и застав нет.

– Это что, путь на Москву свободен? – вмешался Дивей-мурза.

– Свободен, совсем свободен, – принялся уверять Сумароков.

– Врёшь небось, московит... – с сомнением покачал головой хан и посмотрел на Тишенкова. – Ну а ты что мне сказать можешь?

– Великий хан, есть путь на Москву, есть, – отчего-то покосившись на Сумарокова, с жаром принялся уверять Девлет-Гирея Кудеяр. – Только вкруговую идти надо. Я знаю, где на реке Жиздре перелаз имеется, и опять же, коли надо, провести могу...

И тут вдруг Сумароков, до этого вроде бы стоявший спокойно, перебил Тишенкова и, схватив ханского коня под уздцы, не сказал, а выкрикнул:

– Я тоже правду говорю! Мне лучше ведомо! Ежели напрямиком на Москву пойдёшь, против тебя стоять некому, а меня хоть на кол сажай, коль не веришь!

Услыхав столь горячие уверения, хан сделал знак, чтоб московитов увели, и задумался. Потом, глянув на Дивей-мурзу, негромко, как самому себе, сказал:

– Козельские места подождут малость, а на Москву мы

таки вкруговую пойдём, – и, собираясь отъехать в сторону, тронул повод...

Глава 5

Зело прихворнув, серпуховской дворянин Михайла сын Сеньков отпросился на целый месяц в свою деревеньку Сеньково. Конечно, это была немалая вольность, но по первости на окском порубежье было тихо, да и вдобавок сам воевода Большого полка князь Иван Бельский хорошо знал Михайлу. К тому же на последнем смотре Михайла с не особо больших доходов выставил конно и оружно сразу шестерых даточных людей²⁶, а поскольку сам тоже был дворянин исправный, Разрядный приказ определил ему за такое рвение целых двадцать рублёв наградных.

На столь большие деньги Михайла никак не рассчитывал и, вернувшись в поместье, размахнулся всласть. Выстроил дом о двух связях с повалушей²⁷, поставил усадебный двор со всеми службами и сейчас, поскольку хворь таки отступила, сидел в тенёчке, поглядывая то на конюшню, то на птичник. Дворянин предвкушал, как по зимнему времени, когда службы нет, он будет нежиться на печи и через день выезжать по пороше в поле травить зайцев или устраивать гон.

Из этой мечтательности дворянина вывел долетевший от

---

²⁶ Даточные люди – ратники Русского государства, поставка которых, наряду с городовым, острожным и ямским делом, была одной из наиболее тяжёлых повинностей, ложившихся на крестьянские и посадские общины.

²⁷ Оборонная башня.

ограды заполошный крик:

– Беда, барин, беда!..

Дворянин лениво повернулся, глянул на влетевшего в раскрытые ворота дворового мужика Ивашку Носа и сердито прикрикнул:

– Чего репетуешь?.. Аль пожар где?

– Какой там пожар!.. И не пожар вовсе!.. – мужик подскочил и почти в лицо Михайле жарко выдохнул: – Татарва объявилась, барин!..

– Какая ещё татарва? – опешил помещик. – Говори толком!

– Из Гнилушек, барин, малец прибёг. Бают, татарва объявилась! – И наконец-то переведа дух, мужик выжидающе посмотрел на Михайлу.

Гнилушки, деревенька в четырёх верстах от Сенькова, стояла под самым лесом, и откуда там татары, Михайла не мог взять в толк. Но весь вид перепуганного дворового ясно показывал, что такой слух есть, и дворянин, поднявшись сам, пошёл к воротам, чтобы поглядеть на деревенскую улицу. А там и точно царила суматоха. Мужики с бабами суетились возле своих изб, кое-кто уже гнал к роще скотину, и всё увиденное заставило Михайлу посерьёзнеть. В то, что татары вдруг появятся под Сеньковым, он не верил, но хорошо понимал: раз такое дело, ему надо тотчас вернуться в полк. Однако червячок опасливого сомнения уже шевельнулся, и, прежде чем пройти в дом, Михайло, внимательно оглядев

усадыбу, всё же наказал Ивашке:

– Скажи, чтоб попрятали всё. И коней седлай...

Ивашка тотчас убежал, а Михайла поднялся на крыльцо и, войдя в горницу, приостановился. Сделать тут всё так, как в тереме, он ещё не успел, но в углу уже красовалась муравленая печь²⁸, на чисто выскобленном столе был не просто светец, а бронзовый, немецкой работы подсвечник, да и придвинутую к стене широкую лавку покрывала большая медвежья шкура. Полюбовавшись, Михайла вздохнул и прошёл в боковой чулан, укрытый за лестницей на повалушу, где он отдельно от всего прочего хранил свой доспех. Пока отложив в сторону тегиляй, он первым делом обул лёгкие козловые сапоги и, подпоясавшись кушаком, принялся натягивать тетиву на боевой лук.

---

²⁸ Печь, отделанная глазурованными изразцами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.